

SOVIETSKY HRDINA AKO PRECEDENTNÝ FENOMÉN

Lingvokulturologický
aspekt skúmania
mediálneho diskurzu

KATARÍNA BIAČKOVÁ

umb
UNIVERZITA
MATEJA BELA

BELIANUM

Katarína Biačková

Sovietsky hrdina ako precedentný fenomén
(lingvokulturologický aspekt skúmania mediálneho diskurzu)

Univerzita Mateja Bela v Banskej Bystrici

2021

Katarína Biačková: Sovietsky hrdina ako precedenčný fenomén (lingvokulturologický aspekt skúmania mediálneho diskurzu)

Autor: Mgr. Katarína Biačková, PhD.

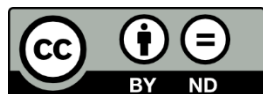
Vydavateľ: Belianum. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici

Miesto vydania: Banská Bystrica

Recenzenti:

doc. Mgr. Nina Cingerová, PhD.

doc. Mgr. Irina Dulebová, PhD.

Monografia Sovietsky hrdina ako precedenčný fenomén (lingvokulturologický aspekt skúmania mediálneho diskurzu), ktorej autorkou je Mgr. Katarína Biačková, PhD. je šírená pod licenciou Creative Commons 4.0 International Licence CC BY-ND (uviedenie autora – bez odvodeného obsahu).

Obálka: Mgr. Katarína Biačková, PhD.

Jazyková korektúra: Mgr. Ivan Posokhin, PhD.

ISBN 978-80-557-1910-8

EAN 9788055719108

<https://doi.org/10.24040/2021.9788055719108>

Obsah

Предисловие	5
I: Советские мифы и герои	8
I.1 Герой – кто он?	11
I.2 Возникновение советского героя	14
I.3 Герой в словарях – изменение понятия	16
I.4 Герои сегодняшнего дня	21
I. 5 Медийный дискурс и образ советского героя	26
II. Роль советского героя в современном медийном дискурсе	30
II.1 Павлик Морозов в литературном дискурсе	31
II.2 Преображения советских героев	40
II.3 Советская женщина-героиня в постсоветский период	57
II.4 Реинтерпретация изречений Ленина	68
III. Советский герой за границей	76
III.1 Советские герои и их позиция в словацких СМИ	77
III.2 Сравнение героев в национальных дискурсах	81
Заключение	88
Библиография	91
Корпус медиатекстов	95

Предисловие

Данная монография посвящена наследию советского метанарратива, представленного героями советской эпохи – персонажами, возведенными советской пропагандой в героический пантеон. Не только за время существования Советского Союза, но и после его распада, изображение героев развивалось, а их образ менялся. Данные изменения образов героев изучаются в настоящей монографии на российских и словацких фрагментах дискурса. Медийный дискурс не только отражает трансформацию героев, но и стимулирует ее, поскольку он не только отражает язык и идеологические позиции общества, но и непосредственно формирует их путем установления норм, языковых и культурных образцов. Текущий период, часто называемый постфактуальным, способствует быстрому распространению различных идеологических позиций, поэтому тот или иной персонаж легко трансформируется в средствах массовой информации в процессе коммуникации. Примером могут служить относительно недавние события в Украине, на фоне которых можно проследить процесс постепенного возрождения пантеона советских героев особенно в российском дискурсе, или начало пандемии коронавируса, стимулировавшее рефлексию героизма в более широком контексте. В монографии мы фиксируем различные направления трансформации героев: от минимального изменения позиции до полной потери героического статуса. Монография дает всестороннюю трактовку темы трансформации героев на конкретных примерах, близких словацкому читателю, что делает ее актуальной в центральноевропейском пространстве и благодаря чему она может послужить основой для изучения аналогичных вопросов в соседних странах бывшего Восточного блока.

Одним из атрибутов постфактуальной эпохи, как теперь принято называть наше время, является то, что факты уступают место эмоциям и чувствам. Средством апеллирования к эмоциональной стороне адресата является манипулирование информацией. Такая практика, конечно, ни в коем случае не ограничивается нашим временем, когда с помощью социальных сетей можно очень просто манипулировать фактами и преобразовывать их в желанную форму таким образом, чтобы произвести необходимый эффект. С аналогичным результатом похожие цели достигались пропагандой в средствах массовой информации и в прошлом: граница между правдой и вымыслом, реальным и желаемым образом растворялась, а средства массовой информации

манипулировали правдой и ложью так, как того требовал контекст данной эпохи. Это касалось не только текущих событий, но и людей, которые благодаря им попали в центр внимания СМИ, и их медийный образ был смоделирован в соответствии с характером времени.

Приход к власти большевиков после 1917 года ознаменовал фундаментальное изменение культурной парадигмы в России. После большевистской революции все религиозные организации систематически подвергались репрессиям, экономическому и политическому давлению и вытеснялись на периферию - физически и символически. (Cingerová, Dulebová, 2021, с. 89) Общество, веками формировавшееся традициями православия и абсолютистской монархии и образованное в подавляющем большинстве неграмотным крестьянским населением, подверглось радикальным изменениям, которые затронули все сферы его жизни. Эти изменения неизбежно потрясли основы культуры и языка в самом широком смысле.

Важной частью формирования *новой советской культуры* стало создание нового языка, новой мифологии, новых символов, традиций, новых лиц... Миф о *новом советском человеке* неизбежно ликвидировал пантеон *героев* старой, царской, России и наполнил освободившееся пространство новым содержанием. Но это была не просто замена. Поскольку старая и новая системы находились в остром антагонизме, формирование «нового общества» было скорее быстрым и насильственным переворотом, чем постепенным мирным перерождением. Новые культы, новые *святые*, герои нового времени должны были в относительно короткий срок занять позиции достойных образцов *советского человека*. Пафос, присущий гипертрофическим наименованиям, созданным для различных слоев населения и его лидеров, помог моделировать их действия как акты героизма. Писатели назывались *инженерами человеческих душ*, разведчики *бойцами невидимого фронта*, пограничники *защитниками рубежей*, железнодорожники *работниками стальных магистралей*. (Cingerová, 2018, с. 27)

В течение семи десятилетий пантеон советских героев динамически развивался, влияли на него как внутренние, так и внешние изменения в формах социалистического режима. Хорошо известны примеры, когда прославленные *герои*, принадлежавшие к партийной верхушке, становились *врагами народа*. Поэтому содержание понятия *советский*

герой очень изменчиво, а сами *герои* предстают во времени как персонажи противоречивые, разнообразные и зависящие от контекста пространства и времени (ср. Duleba 2021, с. 71).

Данная монография направлена на изучение трансформаций *советских героев*, т. е. личностей, чьи действия официальная советская пропаганда называла достойными подражания и предлагала их в качестве образца для всего общества. Полный *советский пантеон*, вероятно, включал бы сотни имен. Однако цель данной работы состоит не в том, чтобы дать исчерпывающее представление обо всех героях данного периода, а скорее в том, чтобы используя несколько исследований конкретного материала, показать возможности использования метода дискурс-анализа и обозначить контуры проблемы моделирования образа героя в советском и постсоветском дискурсах.

Более подробно мы обращаем внимание не только на две наиболее выдающиеся фигуры советского политического пантеона – В. И. Ленина и И. В. Сталина, но и на И. В. Мичурин как представителя советской науки, чей образ был значимым элементом в представлении/трансляции советского метанарратива в стране и за рубежом. Образ П. Морозова, в свою очередь, является интересным примером *детского героя*, представляющего определенный сегмент адресатов. Невозможно избежать вопроса о героинях женского пола, таких как, например, З. Космодемьянская как инвариант героя войны. В рамках расследования словацкой прессы очень продуктивным является персонаж Ю. Гагарина, который был символом советской победы на одном из фронтов холодной войны.

Основным критерием отбора *героев*, чей образ в советской пропаганде является предметом нашего интереса, была интенсивность их *использования*, то есть высокая вероятность того, что об этих личностях говорили в средствах массовой информации каждый год по случаю знаменательных юбилеев и праздников, а также, возможно, и по другим поводам. В связи с тем, что монография создавалась в центральноевропейском регионе, в качестве вторичного критерия мы также учитывали факт, насколько эти персонажи известны в нашей среде. Этот подход открыл нам возможность сравнения русского материала со словацким материалом, результаты анализа которого также могут послужить дополнительным материалом для студентов-русистов при изучении истории России или лингвострановедения.

I: Советские мифы и герои

Формирование *советской цивилизации* легитимизовало метанарратив, который представлял не только философские основы нового общества и концепции социальной реальности в самом широком смысле, но и предлагал способ понимания исторического развития и давал инструкции, как строить и достигать желанного «лучшего завтра». Советский марксистский метанарратив установил оценочные категории справедливого и несправедливого и узаконил новые властные структуры (Lyotard, 1984, с. 13). В качестве отражения и упрощенной формы идеологии, предоставляющей рядовым гражданам простое объяснение реальности, он также предложил способ воплощения принципов идеологии на практике и ее влияния на повседневную жизнь (Gill, 2013, с. 3).

Одним из основных компонентов любого метанарратива является миф, составляющий его суть. Миф как социальный конструкт предоставляет обществу возможность понять и определить начало, формируя при этом основу социальной идентичности и солидарности. На практике это подтвердилось, например, берлинской выставкой «Мифы народов», которая показала поразительное сходство мифологий разных народов (Mannová, 2013, с. 8).

Миф о Ленине («Вечно живой!»), миф о Великой Отечественной войне или Великой русской революции выполняли в советском метанарративе те же функции, которые мы находим в определении функций мифа в целом: *«он дает человеку приемлемое объяснение мира. Правдивость здесь не имеет значения, но объяснение должно быть простым, ясным, понятным и, прежде всего, эмоционально приемлемым»* (Zavacká, 2013, с. 225). Именно простота объяснений может взволновать массы, что отражается в широком использовании мифов в тоталитарных режимах. И коммунизм, и немецкий социализм опирались на мифические структуры: например, Маркс использовал искупительные мифы азиатских и средиземноморских обществ и поставил пролетариат в роль избранного. Мифы являются неотъемлемой частью и более поздней истории, мифы народов описывают мотив свободы или освобождения, происхождение нации или религии. (Mannová, 2013, с. 9) Именно поэтому, например, в постсоветских странах после распада СССР произошла масштабная реконструкция национальных пантеонов: примером для нас может служить нынешняя Украина, где происходят процессы ре- и демифологизация (снос памятников В. И. Ленину,

возведение мемориалов С. Бандере) или переоценка мифа о Словацком национальном восстании (ср. Cingerová, Dulebová, 2020, с.73).

С проблематикой мифа и мифологии также тесно связан феномен «героя», являющийся предметом данной монографии. Вопрос о взаимосвязи мифа и героя был тщательно изучен Джозефом Кэмпбеллом в работе *«Тысячеликий герой»* (*The Hero with a Thousand Faces*, 1949), в которой, основываясь на древних легендах, он исследует мифологические странствия героя.

Интересным методологическим импульсом в этом направлении является изучение образа сказочных героев в произведениях В. Я. Проппа *«Морфология сказки»* (1928) и *«Русский героический эпос»* (1958). Пропп исследует теорию сказок и фольклора или сказочных героев, при этом в работе он выделил 31 базовый компонент, составляющий основу любой сказки, и разделил их на девять кругов действий, ситуаций, в которые попадает герой. Исследования Проппа легли в основу теории аналогии языковой структуры и повествования (см. также: Бронуэн, Фелицитас).

Теоретической и методологической основой нашего исследования послужила также работа М. Г. Кендрика *«Героический идеал: западные архетипы от греков до наших дней»* (*The Heroic Ideal: Western Archetypes from the Greeks to the Present*, 2010), в которой автор рассматривает проблему героя и героизма как социального и культурного феномена в более широком контексте европейской цивилизации. В этой работе рассматривается не только общее определение героизма, но и понимание этого термина в отдельных культурах на протяжении веков. Для большей наглядности Кендрик также пытается найти параллели между историческими героями и современными героями поп-культуры (одна из глав также посвящена героизму в тоталитарном контексте).

С методологической точки зрения примечательна работа С. Т. Эллисона и Г. Р. Гетальса *«Герои: что они делают и зачем они нам нужны»* (*Heroes: What They Do & Why Do We Need Them*, 2011), на которую мы опираемся в наших анализах. В ней авторы пытаются определить критерии, ограничивающие содержание понятия героизма в человеческом сознании, а также пытаются определить и другой полюс, т. е. антигероизм.

Естественно, героизму уделяет внимание и ряд других авторов, но зачастую их исследования ограничены временем или пространством (древний герой, герой периода

заселения Америки) и не пытаются представить героизм в более широком историческом контексте.

Непосредственно теме героев в советском контексте посвящены работы А. И. Куляпина и О. А. Скубача («Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920-1950-х гг.»), А. А. Панченко («Культ Ленина и «советский фольклор»»), Н. Щербининой («Герой и антигерой в политике России»). Другим источником с аналогичной темой является монография Г. Гюнтера (*Der sozialistische Übermensch. M. Gorkij und der sowjetische Heldenmythos, Metzler, Stuttgart, 1993*) или его статья *Der Held in der totalitären Kultur*. Статья Р. Сарторти *On the Making of Heroes, Heroines, and Saints* сравнивает героизм и сакрализацию героизма, особенно в период войны. Статья была опубликована в книге Р. Стейтса *Culture and Entertainment in Wartime Russia*, в которой анализируется советская культура в период «священной войны». А. М. Харрис в своей диссертации (*The Myth of the Woman Warrior and World War II in Soviet Culture*) представляет образ мифологизации женщины-героини в военное время. Периоду коллективизации посвящена монография М. Бакли (*Mobilizing Soviet Peasants: Heroines and Heroes of Stalin's Fields*); советских полярников, которые представляли значительную часть советского пантеона, описывает Дж. Маккеннон в работе *Red Arctic: Polar exploration and the Myth of the North in the Soviet Union*. Л. Зигельбаум в работе *Stakhanovism and the Politics of Productivity in SSSR* анализирует движение рабочих, возникшее на основе мифологизированного образа героического рабочего Стаханова. Примечательной является и работа Н. Тумаркин, посвященная культу одного из величайших советских героев всех времен – Ленину (*Lenin Lives! The Lenin cult in Soviet Russia*). Стоит отметить, что среди культов «поменьше» довольно много внимания уделялось Павлику Морозову: можно упомянуть работы Ю. Дружникова *Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова*, К. Келли *Comrade Pavlik*, В. Губарева *Павлик Морозов*, а также в определенной мере книгу О. Файджеса *Whisperers*. Именно данные источники, а также газетные статьи, будут служить предметом лингвистического анализа дискурса в нашей работе.

Экспорту «героизма советского типа» в государства, контролируемые «дружественными народно-демократическими» режимами, посвящен сборник С. Сатюковой и Р. Гриса *Sozialistische Helden: eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren*

in *Osteuropa und der DDR*, который дает интересные представления о героизме, в том числе и в бывшей Чехословакии (Ю. Фучик, Я. Палах).

В словацком научном пространстве отсутствует более подробное рассмотрение феномена «героев и героизма советского типа», хотя отдельных словацких персонажей, которые были общепризнанными героями (Габчик, герои Словацкого национального восстания и т. д.) рассматривало несколько авторов. Тему мифов и конкретные примеры словацких героев можно найти в публикации *Mýty naše slovenské* (2013) Э. Крековича, Э. Манновой и Э. Крековичовой. С темой советского героя мы можем частично встретиться в работах профессора Й.Сипко (например, в монографии *Прецедентные имена в позиции оценочных средств*) или в работе доцента Л. Гузи *Концепт «герой» в русском языке: завещание предков – смятение героев*, которые смотрят на этот вопрос через призму лингвистики. Данной темой занимаются и чешские исследователи (например, М. Пешкова *Idea nového člověka v ruské literatuře*, В. Мацура *Šťastný věk*).

1.1 Герой – кто он?

К фундаментальным работам, посвященным вопросу «архетипического героя» как явлению человеческой культуры, тесно связанному с мифологией, относится работа Дж. Кэмпбелла *The Hero with a Thousand Faces* (1949). Его отправной точкой является теория К. Юнга, которая утверждает, что миф является образом универсального коллективного бессознательного и он основан на архетипах, которые Юнг считает «хранилищем» человеческого опыта. Кэмпбелл говорит, что сон – это индивидуализированный миф, а миф – это обезличенный сон. Изучая мифы, автор пришел к выводу, что смысл вездесущего мифа о пути героя заключается в том, что он может служить универсально значимым образцом для подражания для любого человека в любой жизненной ситуации. Поэтому миф формулируется в самых общих чертах. Именно из этого тезиса мы могли бы исходить и при анализе советских героев, которым предстояло стать столь же универсально обоснованной моделью «нового человека». Кэмпбелл также использует выражение Джойса «мономиф», которое тесно связано с архетипами и героями. Его простая схема «исключение – инициация – возвращение» относится к основным характеристикам мифа или же героической истории или классической сказки.

«Герой волшебной сказки – это персонаж, или непосредственно пострадавший от действия вредителя в завязке (resp. ощущающий некоторую нехватку), или согласившийся ликвидировать беду или недостачу другого лица» (Пропп, 1928, с. 59), пишет В. Пропп в «*Морфологии сказки*». Кажется, что его определение также может быть применено к нескольким типам героев, которые являются предметом нашего интереса: герой войны, «задетый действиями» врага, который в то же время пытается «ликвидировать несчастье», или бороться за счастье не только свое, но и других. Также герой труда своими усилиями способствует ликвидации чужого недостатка (часто самого государства). Но может ли, например, Юрий Гагарин быть включен в эту категорию? Смогли бы мы вместить в это определение несколько хорошо известных случаев «героических» детей-доносчиков? Разве к ним относятся изобретатели, такие как Константин Циолковский, чьи величайшие изобретения часто создавались благодаря их собственному уму и любопытству? С разумной степенью абстракции на эти вопросы можно ответить утвердительно, хотя в случае советского героя также необходимо предположить некоторые специфические атрибуты.

Бентли в своей работе *The Cult of the Superman* (Bentley, 1947) работает с концепцией героического витализма, которая следует идеям Ницше, Леонтьева и Томаса Карлейля. Сторонники этого направления считали, что западное общество морально истощено, разлагается и движется к войне и хаосу. Чтобы избежать этого катастрофического сценария, обществу необходимо введение «нового порядка», во главе которого встанут новые герои: энергичные, одаренные, находчивые и безжалостные, способные создать нового человека. И именно они считались результатом естественного отбора (Kendrick, 2010). Эти новые герои обладали и другими качествами, которые предопределили им судьбу образцов для подражания: они бросали вызов условностям, пересекали границы того, что было принято в обществе, были пионерами развития и творчества. Такой тип героя, предназначенный для руководства и организации общества «под себя», успешно обосновался в тоталитарных системах начала XX века и на нем была построена печально известная концепция *Übermensch*-а. Однако аналогичные концепции также не были чужды зарождающемуся советскому метанарративу, который провозгласил, что на руинах разрушенного общества будет построено новое «царство благополучия» под руководством «правильных» людей.

Идея образцового героя как личности может показаться неубедительной в контексте стереотипа коллективистски ориентированного советского общества, но на самом деле

точно так же, как православная «соборность» рассчитывала на героизм личности, рассчитывал на него и советский коллективизм. Впрочем, широко известно, что в советском обществе даже после многих десятилетий атеистической кампании, православие сохранило как минимум позиции этноидентификационного элемента, что в полной мере проявилось в 1990-е годы, во времена кризиса культурной идентичности российского общества. Возможно, эту жизнеспособность также можно объяснить тем фактом, что многие истории советских героев носят агиографические черты: совершение чудес (сверхчеловеческие подвиги на работе или в бою), воспитание последователя, простая жизнь, тяжелый труд, мученичество и посмертные чудеса (в данном случае, скорее, наследие и вдохновение, постоянно действующие на последователей), борьба со злом в виде суперзлодеев и врагов народа, таких как троцкисты, которые хотят навредить молодому советскому государству. Точно так же все усилия по формированию нового человека, очищенного от прошлого и стремящегося достичь рая / спасения / высшей цели, приводят нас к христианской традиции. Социалистическая идеология проявляла многие черты христианской религии, была ее эквивалентом с аналогичной формой и функциями. Она копировала догму о едином Боге и абсолютной истине и силе: она присваивала образы проклятия, отчуждения «еретиков», «святых» книг и героев, обещание искупления и блаженства (Pešková, 2012, с. 142).

С. Т. Эллисон и Г. Р. Гетальс на основе психологических исследований утверждают, что люди делят героев на три категории (Allison, Goethals, 2011, с. 44 – 51). К первой категории относятся герои, чей поступок имеет моральную ценность или является результатом их способностей и навыков. Вторая категория включает героев, которым суждено быть героями от рождения или которые были таким образом сформированы обществом. Третья категория отражает героя через его наследие: важно, что он влияет своими действиями непосредственно на общество или, скорее, служит только источником вдохновения, а не непосредственным творцом реальности.

Если мы применим эту классификацию к конкретным примерам, мы обнаружим, что де-факто чистых типов героев не существует. Первая категория героев часто сочетает в себе оба качества: героический поступок – это сочетание моральных принципов и ума героя одновременно. Однако фактом остается то, что героические поступки, совершенные на моральной основе (например, самопожертвование Павлика Морозова), вызывают сильные эмоции и, соответственно, оказывают большее влияние на общество. Этот героизм обычно

ценят больше, но даже действия, основанные на значительном интеллекте или способностях героя, не надо недооценивать (например, И. Мичурин). Категория, различающая героя, predetermined от рождения, и героя, сформированного жизненными обстоятельствами, одинаково неоднозначна. Даже в большинстве случаев героев «по натуре» можно идентифицировать немалое влияние окружающей среды (например, влияние общества и старшего брата на молодого В. И. Ленина). Для последней категории социальное влияние также играет большую роль: солдат в вихре войны станет активным героем с большей вероятностью, нежели ученый, который много лет работает в лаборатории.

Для того, чтобы человек мог легко различать основную дихотомию добра и зла, в человеческом восприятии работают связанные с типичным поведением героя категории или ситуации, к которым относятся: выполнение «правильного дела», сложный моральный выбор, компетентность и лидерские качества, самопожертвование. В советском обществе окружающий героя коллектив, который завершает или помогает его действиям, также играет значительную роль. Именно эти качества можно выделить в большинстве героев, от лидеров революции до героев покорения космоса.

1.2 Возникновение советского героя

Характеристики архетипического героя применимы и в ситуации СССР, однако локальные герои адаптировались к специфике местности, и в архетип проникли различные инновации. Уже в случае архетипических мифических героев мы видим, что «мысль о герое – одна часть способностей человека, выразить ее – одна из главных его потребностей, и распространять ее – это самая дорогая его свобода» (Guzi, 2010, с. 87). Очевидно, что герой может быть героем, только если общество признает его как героя, т.е. в той мере, в какой он популяризируется государственной властью или СМИ, или как он воспринимается в рамках неофициального дискурса, т.к. и эти пути распространения могут способствовать появлению героических культов (Allison, Goethals, 2011, с. 38). Но фактически многие герои оказывались на пьедестале только благодаря литературным произведениям или хвалебным словам в прессе. Возможные недостатки тактично скрывались, возможные недостающие черты добавлялись, и новый герой таким образом превосходно вписывался в необходимый мысленный образ. Таким образом, реальный герой был больше похож на вымышленного

героя, героя литературного, авторам удавалось лучше воплотить в его образе классического героя, чьи качества легко распознавались и ими было проще восхищаться.

Вопрос об отношении человека к коллективу и коммунистической партии, вопрос о привилегиях личности в эгалитарном обществе, а также время, когда принималось решение о «героизме» личности, играли значительную роль. Даже позиция В. И. Ленина в советском пантеоне не обошлась без изменений за время существования СССР (Тумаркин, 1983, с. 248), и статус «второстепенных» героев подвергался еще более существенным изменениям. В определенный период их восхваляли в газетах, но позже они выпали из «календаря» культов. Ярким примером может служить история Льва Троцкого или случай Павлика Морозова.

Целью героических историй было не только развлечь читателя, но и просветить и вдохновить его. С этой целью категория героизма в СССР также была институционализована. Уже в 1921 году стал использоваться термин Герой труда, который позже, в 1938 году, был изменен на Герой социалистического труда. Каждый Герой социалистического труда получал орден, соответствующий этому званию. Чуть ранее, в 1934 году, впервые в истории аналогичная награда была присуждена Герою Советского Союза. Тем самым понятие героя было институционализовано в максимально возможной степени. Первыми орденосцами стали авиаторы, которым удалось спасти полярников с севшего на мель ледокола «Челюскин». За все время существования СССР эта награда присуждалась в общей численности 12 874 раза, из которых 13 наград принадлежат городам. В 72 случаях премия была отнята ретроспективно, в основном за различные нарушения закона, а в 13 случаях присуждение премии было отменено на основании вновь открывшихся обстоятельств (Симонов, Статистика). Существовали также различные категории институционализованного героизма. Например, в 1944 году под влиянием демографического кризиса, вызванного Второй мировой войной, был введен официальный титул Мать-героиня. Это звание присваивалось матерям, родившим десять и больше детей, и должно было послужить стимулом для повышения рождаемости (Shwin, 2000, с. 176).

Со сменой режима в обществе также начали меняться ценности, и советские герои потеряли свой героический статус. Некоторые из них канули в Лету, а некоторые изменили свою функцию: они стали прецедентными именами, часто указывающими на совершенно противоположные качества. Прецедентный антропоним – это не просто хорошо известное

имя, которое используется в тексте для обозначения конкретного человека. Это в основном обозначение культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб и т. д. Он функционирует как ментально-вербальная единица, которая служит для концептуализации, категоризации и оценки реальности. (Dulebová, Kryukova, 2017, с. 21)

1.3 Герой в словарях – изменение понятия

Вышеупомянутая динамика социальных явлений, проникших в язык, может быть проиллюстрирована прежде всего в периоды значительных социальных перемен. В этой связи прекрасную возможность зафиксировать процессы, происходящие в языке, в конкретные периоды предоставляет материал толковых словарей разных периодов, в котором прослеживаются примечательные изменения в характеристиках героизма.

Краткий обзор существующих толковых словарей современного словацкого языка показывает, что за последние полвека произошли некоторые заметные сдвиги в обычном понимании термина «герой». Самый старый, так называемый *Slowár Slowenský* Антона Бернолака приводит строгое однословное объяснение термина «герой» как *wítaz*. Хотя в сегодняшнем контексте под победителем (т.е. *wítazom*) понимается несколько иной термин, с точки зрения Бернолака, использование этого значения понятно: герой побеждает над злом и является победителем. Примеры использования слова победитель в качестве синонима слова герой можно найти, например, в Библии: победитель на белом коне в Откровении Иоанна Богослова 19: 11-16. Более новый словарь Пецяра (SSJ, 1959) определяет два прямых значения лексемы «герой»: *1) храбрый, доблестный человек, совершивший великий подвиг, богатырь; 2) центральный персонаж (личность) литературного или драматического произведения.* К первому значению добавляется фраза «герой дня» с замечанием, что у нее «переносное значение», и предлагается объяснение, что это человек, чей выдающийся поступок является объектом восхищения.

Два более поздних словаря – KSSJ (1987) и SSSJ (2011) – изменяют структуру словарной статьи «герой» и дают уже три значения, добавляя к тем, которые перечислены в словаре Пецяра, третье значение: *«тот, кто является объектом восхищения».*

Включение третьего значения лексемы в более поздние словари можно понять с точки зрения семиотики как чувствительное изменение в восприятии содержания термина: в первом значении «герой» объясняется только на основе внутренних признаков, и

требуется определенная «заслуга», поступок или деятельность героя (субъекта). В этом случае внешние обстоятельства – восприятие героя обществом – понимаются как второстепенные и связываются напрямую с «поступком». Новые же словари фиксируют противоположное состояние: для включения человека в число «героев» для пользователя словацкого языка существенным является и восхищение общества, заслуги героя можно только предполагать. Этот сдвиг в понимании понятия «герой» представляется существенным с точки зрения нашей темы, поскольку под «героем» мы понимаем личность, действия которой официальная советская пропаганда называла достойными подражания и предлагала его в качестве образца для подражания для всего общества, т. е. предполагался «великий поступок» / «подвиг», но само «величие» этого поступка, как правило, не подлежало свободной оценке.

В теории этики рациональная оценка действия связывается с возможностью его рассмотрения с точки зрения категорий добра и зла и тесно связанными с ними нормами человеческого поведения по отношению к другим людям и к самому себе (Vajda, 1993, с. 48). Мы находим этот аспект в формулировках цитируемых словарей при первом значении лексемы «герой». В словаре Пецьяра оно представлено лаконичным «*великий поступок*», в существенно более развернутом объяснении SSSJ содержится несколько оценочных сигналов: «*кто в решающих ситуациях выделяется мужеством, смелостью, решительностью, кто совершает благородные, часто опасные для жизни поступки*». В дополнение к ключевым понятиям смелость и поступок подчеркивается момент поступка (в критических ситуациях) и нравственность действий субъекта (благородные, опасные для жизни поступки).

Естественно, моральная оценка происходящего обусловлена как культурно, так и исторически. В культурной антропологии мы находим много свидетельств того, что разные культуры интерпретируют добро и зло иногда совершенно противоположно (известный пример представлен, например, сообществами, в которых считается морально хорошим сжечь жену заживо вместе с умершим мужем, в то время как в других сообществах такая форма похоронного ритуала может считаться жестокой или аморальной), и это в полной мере относится к осознанию понятия «герой»: то, что в одном обществе можно считать героизмом, в другом полностью отвергается. Для иллюстрации исторических сдвигов в понимании термина «герой» в социальном дискурсе вполне может послужить приведенный

выше словарный материал. Словарь Пецяра приводит у заглавного слова «герой» следующие примеры: «*военный, народный г.*»; «*г. социалистического труда; герой Советского Союза*». В KSSJ, вышедшем более четверти века спустя, происходит существенное изменение в выборе примеров: здесь полностью отсутствуют словосочетания герой войны и герой Советского Союза, которые были тесно связаны со второй мировой войной, и с течением времени, по-видимому, составители больше не считали их достаточно актуальными. Вместо них здесь появляется нейтральное с точки зрения конкретных политических реалий словосочетание «стать героем». SSSJ снова отражает определенные изменения, тесно связанные с социальным контекстом: «герой социалистического труда», который принадлежал к очень частым элементам языка коммунистической пропаганды, больше не входит в словарь, но здесь снова обнаруживается словосочетание «герой войны», и связь с войной обнаруживается и в других примерах, таких как «герои сопротивления», «павшие герои». Стабильность демонстрирует словосочетание «национальный герой» (здесь: «стать национальным героем»).

В российском научном пространстве существует значительно больше толковых словарей, которые могут быть использованы при анализе. Первые толковые словари этого культурного пространства включают «Лексис сиречь речения, вкратце собраны и из словенского языка на проты русский диалект истолкованы», который был издан в 1596 году в Вильнюсе, и киевский «Лексикон словеноросский и имен толкование» 1627 года. В толковом словаре Даля (1863–1866), первом знаменательном толковом словаре, который также стал источником знаний для этнографии, значение лексемы «герой» определяется в первую очередь следующими синонимами: *храбрый воин, доблестный воитель, богатырь*, при этом заметно отождествление героя с воюющим человеком, героическими подвигами в бою. Только на втором месте как характеристика героя отмечается доблесть: *доблестный сподвижник вообще* и на третьем указывается *герой литературного произведения*. Герой в интерпретации Даля должен совершить бесстрашный и доблестный поступок, и только тогда он идентифицируется как герой; героизм, как и в словаре Пецяра, имеет основу в совершенном поступке, он мотивирован внутренне. В словаре Ушакова (1935–1940) термину «герой» присваивается несколько значений: «*исключительный по смелости или по своим доблестям человек*», т.е. герой не обязательно демонстрирует отвагу и смелость в бою, как это было в словаре Даля, он может действовать таким образом, даже в обычной

жизни (хотя в качестве примера автор приводит фразу, связанную с военной тематикой: «герой гражданской войны»). На втором месте Ушаков уточняет значение слова пометкой «в теориях некоторых буржуазных социологов», из которого становится ясно, что значение слова «герой» различно во времени и обществе автора, категории героизма меняются в зависимости от мировоззрения. На примере работы «Герои и толпа» он указывает, что в некоторых теориях героем считается сильный индивидуум. В других определениях дается классическое объяснение: *«главный герой древних эпических поэм и мифов ... Главное действующее лицо литературного произведения»*. Также в словаре Ушакова мы находим объяснение, описывающее героя как *«лицо, привлекающее к себе общее внимание в течение известного времени»*, т. е. герой может быть только объектом восхищения и привлекать внимание даже без «героического» поступка, заслуги можно только предполагать. В более новом, постсоветском, словаре С. А. Кузнецова (1998) мы находим у слова «герой» четыре значения. Первое объяснение остается неизменным: *«Человек, совершивший подвиг, проявивший личное мужество»*, к которому приводятся пояснительные примеры, например, *Неизвестный г., Памятник герою*. Однако, несмотря на распад СССР, в связи со словом «герой» упоминаются и советизмы (причем мы их не находим в более старых словарях), однако следует отметить, что к каждому из них также приводится объяснение в скобках. Речь идет о словосочетаниях *Г. Советского Союза, Г. Социалистического Труда, Город-герой, Крепость-герой*. Включение этих терминов свидетельствует о постоянной актуальности, устойчивости и функционировании этих понятий в коллективной памяти русского и других народов. Второе объяснение слова снова ссылается на известный феномен, который мы обнаружили в более поздних словарях: человек может стать героем даже без существенного действия, специальный поступок героя только предполагается: *«Тот, кто привлёк к себе внимание, вызывает интерес, восхищение и т.п., является для кого-л. предметом поклонения, образцом для подражания»*. Третье значение говорит о герое как о *«лице, воплощающем в себе характерные, типичные черты своей эпохи, среды»* и в качестве примеров приведены следующие словосочетания: *Г. нашего времени, Г. своего века*. Последнее значение ссылается, как и в более старых словарях, к героям литературных произведений.

С точки зрения анализа словарей интересным является употребление слова «heroj» в словацком языке. В словаре современного словацкого языка приводится значение *«тот,*

кто совершает великие дела, кто является объектом восхищения» сопровождается стилистической пометой «экспрессивное, ироническое». Иллюстративные контексты – *он был большой, настоящий г.*» (в ориг. *bol z neho veľký, ozajstný g.*), *делать из себя героя* (в ориг. *robiť zo seba heroja*), также интерпретируются как иронические. В семантическом плане, как мы предполагаем, слово «герој» постигла та же участь, что и другие фразы, связанные с советским прошлым: слово десемантизировалось и приобрело иронический оттенок. Это подтверждается и современным словацким дискурсом. Фактическим материалом для такого утверждения послужила выборка из блогов 2020 года и первых месяцев 2021 года, которая представляет собой комментарии обычных людей без редакционных правок и тем самым позволяет увидеть реальную картину употребления этого слова в словацком языке. На самой читаемой словацкой блог-платформе *blog.sme.sk* в исследуемый период нами было выявлено 3 текста с анализируемым словом. В первом тексте оно употребляется в предложении *«Но ты герой, ты идешь своим путем»* (Pogubän, 2021), где четко выражено ироническое отношение автора к несоблюдению адресатом противопандемических мер. Второй пример – *«Показал всем, что он герой»* (Hluchá, 2020) – содержит иронию и критику сомнительных результатов тестирования на ковид. Последний комментарий в блоге написан в виде сатирического стихотворения на просторечном словацком языке и включает анализируемое слово в риторический вопрос: *«или ты герой, и ковид не твоя семья?»* Выборка подтверждает, что слово «герој» употребляется в словацком языке преимущественно иронически, причем нынешняя пандемия коронавируса способствовала его актуализации по отношению к человеку, который недооценивает угрозу болезни и действует, скорее, как отрицательный герой.

Как следует из этого краткого исследования толковых словарей словацкого и русского языков, анализ лексикографических работ является продуктивным способом выявления динамики образа героя в дискурсе. Преимущество этого материала в том, что он позволяет определить *terminus ante quem* возможных изменений. Аналогичным образом, возможно, можно было бы использовать переводные словари, где примеры отдельных лозунгов, вероятно, указывают на изменения в социальном дискурсе и их возможную культурную обусловленность.

1.4 Герои сегодняшнего дня

В рамках исследования мы также рассмотрели частоту использования анализируемого слова в словацком и русском языках. Материалом для сравнения нам послужили данные из национальных корпусов, которые хотя и имеют предварительный характер (в Словацком национальном корпусе прямо указано, что данные приблизительны и не предполагаются как материал научного характера), но на их основании можно проследить тенденции в динамике употребления лексемы. Построенные на этих данных два графика являются достаточно показательными. В русском корпусе нами рассматривалось слово *герой* и словосочетание *герой труда* в период с 1900 года по сегодняшний день. Мы ожидали увеличения частотности слова *герой* в период сразу после революционных событий 1917 года и после завершения эксперимента с новой экономической политикой (в обоих случаях в связи с созидательной пропагандой) и, конечно, в 40-е годы. В остальные периоды мы предполагали регулярное использование этого слова. Что касается словосочетания *герой труда*, то мы ожидали значительного увеличения частоты его употребления сразу после введения этого звания в 1927 году и его присвоения в 1928–1938, а далее в сочетании «герой социалистического труда». Затем, по президентскому указу 2013 г., звание возвращает первичную формулировку с адресной атрибуцией *Герой Труда Российской Федерации*. Как видно из таблицы № 1 и таблицы № 2, наши гипотезы по большей части оправдались: употребление слова *герой* значительно возросло в 40-е годы, однако можно заметить, что, вопреки ожиданиям, этого не произошло в 20-е годы, а позже слово более активно стало употребляться с 60-х годов XX века (см. График 1).

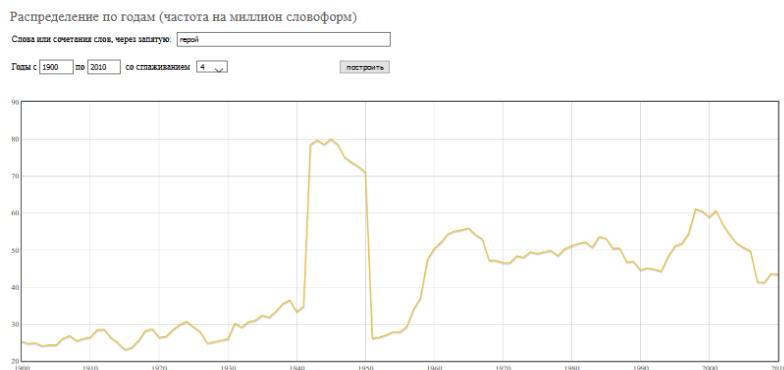

График № 1

Словосочетание *Герой труда*, как и следовало ожидать, наиболее широко употреблялось в конце 20-х годов и в начале 30-х годов (см. График. 2), впоследствии частота его употребления постепенно снижается (хотя оно употребляется и по сей день).

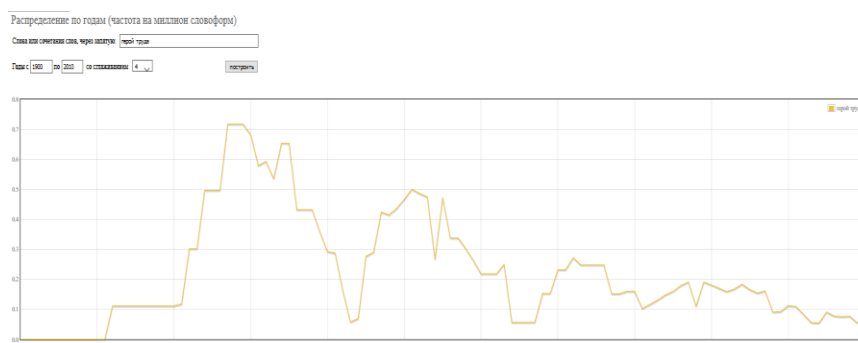

График № 2

В словацком материале мы ожидали аналогичных результатов. Поскольку словацкий национальный корпус содержит данные только начиная с 1956 года, мы, к сожалению, не можем на данном этапе исследования выявить динамику в использовании анализируемого слова, например, в период Второй мировой войны. В графике № 3 отражается, что это слово широко функционировало с 1956 года, но частота его употребления неуклонно снижается (чего нельзя сказать о русском эквиваленте, активность использования которого возросла около 2000 года).

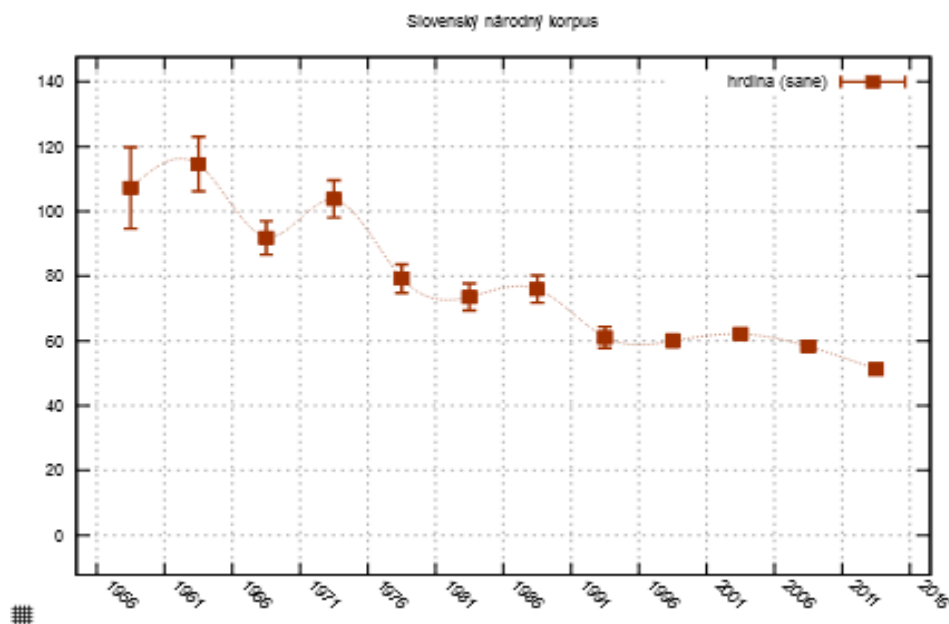

График № 3

На основании регулярного употребления слова *герой* можно было бы сделать вывод об устойчивости и неизменности его значения. Однако можно предполагать, что именно период пандемии нового коронавируса может привести к тому, что значение этого слова начнет частично изменяться: оно будет ассоциироваться, в первую очередь, не с отважными воинами, а, скорее, с отважными медицинскими работниками первой линии или с учеными, которые, хоть и не рискуют своей жизнью, помогают сохранить жизни других людей. Чтобы проверить эту гипотезу, мы обратились к анализу современного медийного дискурса. В качестве источника были выбраны комментарии к текстам российских и словацких СМИ, опубликованные в общественно значимых периодических изданиях в период с марта 2020 года по июнь 2021 года.

Мы исходили из предположения, что в период коронакризиса изменения коснутся образа героя и связанных с ним языковых средств. Лингвокультурологический подход позволил нам выявить некоторые языковые стереотипы, ассоциации и коннотации. В рамках анализа мы рассматривали лексику, устойчивые фразы, эпитеты и т. д.

В некоторых словацких статьях слово *герой* присутствует уже в названии, например: *«Он спас всю страну от коронавируса. Героем Фарерских островов стал ветеринар»*. (Pred koronavírusom zachránil celú krajinu. Hrdinom Faerských ostrovov je veterinár, Ondrišek, 2020) В тексте излагается история ученого-ветеринара Дебеса Кристиансена, *«которого соотечественники чествуют как национального героя»*. Ученый, проверяя на рыбах тест на выявление коронавируса, модифицировал его и таким образом сумел остановить инфекцию на острове. В этом тексте слово *герой* ассоциируется не с физической борьбой или войной, а с умом и готовностью работать на благо других людей. Во втором тексте, касающемся начала пандемии в Ухане (Rok s koronavírusom: od Wu-chanu až po vakcínu, Koubský, 2020), автор также пишет о конкретном человеке, по достоинству оцененном посмертно: *«Трагическим героем начальной стадии является доктор Ли Вэнь-Лян, офтальмолог, который, связавшись с другими врачами, проанализировал информацию и понял, что начала распространяться новая и опасная инфекция, и стал предостерегать остальных об опасности через социальную сеть WeChat. Он был за это наказан и был принужден публично отказаться от своих слов»*. Впоследствии этот врач умер от коронавирусной инфекции, получив особое признание: *«в Китае сегодня его считают национальным героем, одним из мучеников ковида»*. В этом тексте также на пьедестал как герой поставлен

врач, который мужественно предупреждал о болезни, был за это наказан и в конце концов умер. Из слов о герое, мученике ковида, становится ясно, что героический статус приобретает агиографические черты, а на первый план выходит самопожертвование. В следующих двух текстах (7 *dobrých správ v čase koronavírusu*, Ballová, 2020; *Hrdinovia dnešných dní: sestra, predavač, matka aj komunálni pracovníci*, Folentová, 2020), героями называются целые коллективы: *«Не только врачи, но и учителя, повара и другие волонтеры являются героями во время пандемии коронавируса. В новой ситуации были изобретательны и принесли решения в чрезвычайных ситуациях. ... Герои – это не только продавцы, выдерживающие большой напор покупателей, но и почтальоны или сборщики мусора»*. Именно от усердной работы этих коллективов зависит нормальная жизнь окружающих во время пандемии. Они заслужили это звание, просто выполняя свои профессиональные обязанности – им не нужно быть одаренными или заниматься инновационными исследованиями, они просто выполняют свою работу несмотря на риск заразиться. В этом тоже есть элемент жертвенности – оказывать профессиональные или волонтерские услуги другим даже ценой возможного заражения. С другой стороны, следует отметить, что работать им выгодно, чтобы содержать себя, поскольку многие другие во время пандемии свою работу потеряли. И хотя на исполнение своих профессиональных обязанностей можно смотреть и с более практичной точки зрения, альтруистическое представление в дискурсе все же преобладает. В следующем фрагменте героем снова оказывается врач, причем живший во времена другой пандемической угрозы, и автор говорит о других известных врачах, которые добились успеха своим умом: *«например, в начале XX века доктор Йозеф Гольдбергер, который, кстати, родился в Словакии. Сегодня он считается недооцененным героем американской клинической эпидемиологии»*. Его считают героем, потому что он указал на то, как нужно лечить опасные болезни, но его методы стали применяться гораздо позже. Таким образом, мы снова встречаемся с интерпретацией героя, который использовал свой ум на благо общества.

В российских СМИ мы также анализировали слово *герой*, которое в одном из текстов использовано прямо в названии: *«Герой труда красной зоны. Врач о том, как не перегореть в борьбе с Covid»* (Борта, 2020). Героем труда, упомянутым в названии, является врач Марьяна Лысенко, оказывающая помощь больным пациентам во время пандемии. Ее профессиональная деятельность передается развернутой метафорой борьбы, активного

наступления и противостояния. Причем индивидуальный героизм гармонизирован с коллективным: «герои все они – больничные врачи». Еще в одном тексте (АиФ-Самара, 2020) анализируемое слово обозначает коллективность проявления этого важного качества: «... герои 2020. ... К счастью, есть люди, которые находят силы помогать в это трудное время другим. Это медики, волонтеры, спасатели, предприниматели. Спасибо вам за то, что вы есть!» В статье приводятся истории конкретных людей, которые помогают во время пандемии. И в этом случае в слове *герой* получает высокую оценку их работа на благо других. В очень похожем образном ключе используется слово *герой* еще в двух текстах (Костенко, 2020; Известия, 2020), в которых утверждается: «Настоящими героями во время пандемии стали рядовые медики ... сотрудники поликлиник и водители скорых, хирурги и терапевты – заслуживают звания героев уходящего года. Правда, сами они свой подвиг называют работой». Коллективы, которые ставят свою трудовую обязанность выше героизма, становятся героями в глазах окружающих. В одной статье (Ясакова, 2020) очень четко прослеживается концептуальная метафора войны – борьба с коронавирусом представлена как война, в которой против болезни сражаются врачи, что концептуализировано в названии текста: «Все на фронт: как врачи борются с коронавирусом в красной зоне». Слово *герой* / *герои* упоминается в тексте, например, в прямой речи врачей и медсестер. «... героем себя не чувствую. Это моя работа. В такой ситуации мы просто встали и пошли работать». Сами врачи не считают себя героями, хотя общество их так часто называет; они неукоснительно выполняют свои профессиональные обязанности.

Хотя Н.А. Купина указывает, что в рамках коронавирусного дискурса появляются метафоры войны (Купина, 2020, с. 5), к которым относятся такие слова, как *битва*, *борьба*, *фронт*, *линия фронта*, *наступление*, *атака*, *оборона*, в нашем анализе был выявлен всего один текст из десяти такого рода. В рассмотренных нами статьях из обеих стран мы встречались в основном с «мирным» изображением героя: т. е. героями становились врачи и другие работники, продолжавшие самоотверженно выполнять свою работу. В словацких текстах трижды словом *герой* обозначались конкретные врачи, в их образе акцентировались ум, интеллект и стремление облегчить ситуацию для других. Один из этих врачей был представлен одновременно мучеником, поскольку за свое равнодушие и бескорыстное стремление помочь он подвергся преследованиям и умер от ковида. Дважды в текстах

создавался образ коллективного героя, который это звание получает за свою честную и ответственную работу в опасных для жизни условиях. В российских статьях указан один индивидуальный и четыре коллективных героя, причем больше внимания уделялось долгу, а не находчивости. В одном случае мы наблюдали прямое употребление метафоры войны. На основании этого анализа можно утверждать, что в анализированных текстах о героях наших дней непосредственное пожертвование собственной жизнью не акцентируется, а статус героя смещается в позицию помощника, который помогает силой своего ума и чувством гражданской ответственности (преимущественно в словацких текстах) и ответственным исполнением своих обязанностей (преимущественно в русских текстах).

1. 5 Медийный дискурс и образ советского героя

Укоренение «*великого советского нарратива*» сопровождалось высокой частотой употребления таких специфических терминов, как *пролетариат*, *социализм*, *революция*, *буржуазия*, *классовая борьба*, которые соединяли в себе более широкие понятия. Краеугольным камнем советских публицистических текстов был акцент на дихотомии «*мы*» и «*они*», конкретизации абстрактных понятий (*партия*, *социализм*, ...), преобладание коллектива над индивидом и т.п.

Однако идеологическая обработка новым марксистским метанарративом не продолжалась долго. По словам Жан-Франсуа Лиотара, упомянутый метанарратив прекратил свое существование и утратил свою легитимирующую силу уже в конце семидесятых годов (Lyotard, 1984, с. 37). Независимо от того, отождествляемся ли мы с такой датировкой или нет, постепенный распад советского метанарратива очевиден, и в 90-х годах он окончательно потерял свою институциональную основу.

Корпус изучаемого материала, на котором мы иллюстрируем трансформации советских героев, представляется целесообразным построить таким образом, чтобы он охватывал весь период с 1990 по 2020 год. Для этого есть несколько причин:

1. В первой половине 1990-х годов, когда российское общество после распада коммунистической империи подверглось социальным изменениям, связанными с поиском новой идентичности, произошло довольно интенсивное критическое переосмысление советского пантеона, которое последовало за очень бурным периодом горбачевской перестройки и гласности и было частью дискурса, связанного с основными символами

государства, такими как гимн или государственный герб, а также с отношением к угнетаемому десятилетиями православию. «Распад Советского Союза привел не только к разрушению старых систем ценностей (не только негативных явлений социальной системы, но в значительной степени и позитивных), но и освободил место для динамичного развития российского общества во всех сферах жизни» (Adamka, 2010, с. 7). Именно новые возможности значительно стимулировали формирование нового масштаба информационного общества в России, которое перестало подчиняться централизованному управлению.

2. Начиная с рубежа XX и XXI вв. экономическая и политическая ситуация в России постепенно меняется и успокаивается. Разочарование 90-х сменяется новыми надеждами, экономическим ростом, повышением уровня жизни населения, новыми амбициями и надеждами на восстановление «утраченной славы империи». Эти изменения отражаются не только в сфере международной политики, но и в российской культуре, где прослеживаются очень сложные процессы смешения новых культурных явлений с культурными явлениями прошлого более древние, отчетливо связанными с советским прошлым. И на первый взгляд как будто органично сосуществуют компоненты культуры, которые традиционно считались антагонистическими. В этой связи символическими можно считать аннексию Крыма и другие события в Украине, так как в связи с ними в российском медиадискурсе значительно оживились и темы, связанные с пантеоном советских героев.

*

Основной корпус изучаемого материала представлен опубликованными в периодической печати текстами, посвященными героическим деятелям СССР (В. И. Ленин, И. В. Сталин, И. В. Мичурин, П. Морозов, З. Космодемьянская, Ю. Гагарин и другие). При интерпретации данного материала ценные иллюстрации существующих тенденций в отношении советских героев были получены и в результате обращения к книжным публикациям, блогам и т. д.

Чтобы достичь соответствующей степени репрезентативности в ключевых частях анализа исследуемого материала, мы определили соответствующие дискурсивные события, связанные с упомянутыми личностями. Корпус состоит из выдержек статей, посвященных этим событиям, а также текстов повышенной актуальности, отобранных с использованием онлайн-базы данных центральных российских газет Eastview. Наиболее подходящим для

нас методом стало отслеживание выпусков отдельных периодических изданий, выходявших в дни, на которые приходились годовщины рождения и смерти, а также праздники, связанные с событиями, имеющими отношение к изучаемым личностям (день Октябрьской революции, День Победы, День космонавтики и т.п.).

Метод анализа

Чтобы понять изменения в языке во времена значительных социальных потрясений, язык следует рассматривать как социальный инструмент, а не просто как абстрактную систему. Как мы уже говорили во введении к работе, изменив политическую систему, российское общество также радикально изменилось. Советизация затронула все сферы жизни, начиная с культуры, заканчивая частной жизнью отдельных людей. Точно так же изменение отразилось и в языке, который часто называют термином «советизированный». Однако свержение царизма было не единственным политическим изменением в России в XX в.: аналогичная трансформация также означала переход от советской политической системы к государству, основанному на принципах политического плюрализма и институтах, известных в либеральной демократии. Это второе изменение, конечно, отразилось в языке (речь идет в основном об ослаблении стандартов, большей свободе языка или переосмыслении значений определенных понятий), но, что интересно, советизированный язык и вся советизированная семиотическая система не прекратили свое существование и продолжают функционировать. Гузи пишет о советизированном языке и его сохранении как о совокупности средств выражений, а также культуре знаков, которая сохранилась даже после окончания советской эпохи. Взаимодействие советизированного языка и нового семиотического кода позволяет нам изучать изменения, которые произошли и все еще происходят на нескольких лингвистических уровнях (Guzi, 2014, с. 8). Поэтому с точки зрения изучения языка представляется очень продуктивным изучить функционирование советизированного языка в постсоветский период.

Исходная предпосылка исследования состоит в том, что в динамике образа советских героев в постсоветский период можно выделить, по крайней мере, две фазы, которые мы датировем с 1990 по 1998 год и с 1999 по 2017 год. Предполагаемые изменения касаются не только образа героя, языковых средств, связанных с конкретным героем, но и отношения общества к конкретному персонажу. Медийный дискурс не только отражает эти

преобразования, но и стимулирует их, поскольку он не только отражает язык и идеологические позиции общества, но и непосредственно формирует их посредством установления норм, языковых и культурных моделей. При интерпретации результатов лингвистического анализа корпуса источников исследуемого периода мы будем исходить из генезиса образа конкретного героя на этапе зарождения его культа, т. е. мы постараемся учесть исходную информацию об архетипических качествах героя, о том, как они были первоначально определены. Ожидается, что эта процедура расширит возможности для толкования. Если бы мы ограничились исключительно постсоветским периодом, некоторые аспекты динамики образа того или иного героя, вероятно, могли бы остаться незамеченными.

Лингвокультурологический подход позволит нам понять языковые стереотипы, эмоциональные ассоциации и коннотации, непосредственно не выраженные в тексте, но связанные с коллективной памятью российского общества, поскольку именно экстралингвистические детерминанты в значительной степени влияют на использование средств выражения в тексте. Лингвистический анализ будет включать изучение лексических коннотаций, связанных с героем, устоявшихся фраз, эпитетов, наиболее часто используемых в выражениях, связанных с героем, а также крылатых выражений, связанных с героем.

II. Роль советского героя в современном медийном дискурсе

В процессе подготовки будущих переводчиков-русистов, а также студентов других специальностей, связанных с изучением русского языка, мы постоянно сталкиваемся с явлением лингвокультурологического поворота в дидактике преподавания языка. Использование метода преподавания языка через культуру и культуры через язык является общемировой тенденцией. При таком подходе к обучению мы не должны упускать не только составляющую правильного овладения грамматическими языковыми явлениями, но и должны приблизить изучаемый язык к студенту с когнитивной точки зрения, объяснить ему важные культурно-исторические ассоциации носителей языка и использование конкретных языковых единиц как в текущих медиальных, политических и других дискурсах, так и в конкретных коммуникативных ситуациях. Успешное изучение языка сегодня не может обойтись без более глубокого погружения в область лингвореалий, учитывающего, как говорит Моронгова, «знание исторического фона страны ..., знание местной культуры и особенно культурных различий партнеров», поскольку оно «влияет на весь процесс общения и последующего сотрудничества» (Morongová, 2010, с. 37). «Мы воспринимаем лингвострановедение как научную дисциплину, формирующуюся в контексте коммуникативно-прагматического поворота в лингвистике. Студент должен приобрести общекультурные знания, ориентированные на реалии страны изучаемого языка, социолингвистические и коммуникативно-прагматические знания, чтобы правильно выучить язык и в полной мере использовать его, а также уметь понимать и переносить культурную 'инаковость' и уметь адекватно реагировать в различных коммуникативных ситуациях, на которые влияют разные культурные традиции» (Dulebová, 2015, с. 38).

Хотя существует множество подходов к определению лингвореалий в обучении иностранному языку, по словам Галло, в основном используются следующие области: безэквивалентная лексика (советизмы, фольклорная лексика и т. п.), невербальные средства общения (мимика, жесты), знания, характерные для носителей языка, афоризмы и фразеология (Gallo, 2010, с. 48). Для правильного понимания лингвореалий и лингвокультурологических явлений мы также должны учитывать контекст времени, о котором мы говорим со студентами. К основным лингвореалиям, несомненно, можно

отнести и ономастические реалии, на которые направлено основное внимание в нашей работе.

Возможности изучения феномена советского героя методами дискурс-анализа достаточно широки, поскольку советизмы часто выходят на поверхность, когда необходимо реагировать на текущее состояние российского общества, в то время как общественное сознание все еще помнит оценочный аспект какого-либо типичного слова «того времени», либо с сильно негативной, либо с положительной коннотацией (Guzi, 2014, с. 11). Советские герои продолжают упоминаться как в художественных, так и в медиальных текстах, и авторы предполагают, что читатель текста будет знать, по крайней мере, основные атрибуты упомянутых персонажей, т. е. «имена, фамилии, события превратились в символы, для расшифровки которых необходимы знания о данном периоде, так называемые 'фонные знания языка'» (Guzi, 2014, с. 11). Именно это предположение является ключевым не только в изучении образа героя, но и в правильном восприятии текста читателем. Следует также отметить, что знание персонажей также очень важно при изучении иностранного языка и подготовке русистов. В нашем анализе речь идет не только об изучении медиатекстов, но и художественных текстов, которые также показывают нам возможные методы построения героического мифа в обществе, поскольку именно в художественном произведении автор способен создать герою желаемый образ проще и выразительнее.

II.1 Павлик Морозов в литературном дискурсе

В Москве 10 октября 2009 состоялась премьера спектакля «*Павлик – мой Бог*». Песня российской группы «Крематорий» из альбома «*Живые и мертвые*» называется «*Павлик Морозов*». Организация «Мемориал» пытается открыть музей коллективизации в сибирской школе, где учился Павлик Морозов, и таким образом увековечить судьбу детского героя. В дополнение к вышеупомянутой рок-группе «Крематорий», Павлик стал темой песни Франки Сабоа «*Песня о Павлике Морозове*» (1934), И. Рабинович был автором скульптуры Павлика Морозова (1948) в детском парке П. Морозова на Красной Пресне в Москве, Н. Чебаков написал знаменитую картину «*Павлик Морозов*» (1952), С. Эйзенштейн снял по мотивам рассказа о Павлике фильм «*Бежин луг*» (1937, остался незаконченным). Герой-пионер был источником вдохновения для художников, скульпторов, драматургов и

музыкантов. Писатели до сих пор пишут книги на «морозовскую» тему, а имя Павлика стало прецедентным феноменом, которое используется не только в искусстве, но и в журналистике. Как может ужасная история смерти двух детей привлечь внимание даже спустя более 80 лет после этого события? Что привлекает людей в неоднозначном и значительно мифологизированном персонаже, когда становится ясно, что вся правда о событиях 1932 года больше никому не будет известна?

Мало кому из детских героев удалось завоевать такую славу и вызвать такой резонанс в обществе, как это удалось Павлику. Павлик был, с одной стороны, «героем пионерских клубов и обязательного чтения, с другой стороны, в 'антигосударственном' дискурсе он фигурировал как символ предательства» (Zavacká, 2007, с. 55). С самого начала печально известная история Павла Морозова вдохновляла многих авторов, которые внесли немалый вклад в создание его культа. Первыми, кто взялся за историю героического пионера, были сибирские журналисты, писавшие для местных газет, в первую очередь для газеты «Тавдинский рабочий». Очень быстро история Павлика перешла со страниц газет в книги: автором первой книги был журналист Павел Соломеин, автор книги «В кулацком гнезде» (1933). Однако известность истории Павлика принес другой автор – Виталий Губарев, чей рассказ «Павлик Морозов» публиковался в различных изданиях на протяжении многих лет. Эта история заинтересовала самого Максима Горького, который значительно укрепил его культ. Известный советский поэт Степан Щипачев посвятил этой теме стихотворение под названием «Павлик Морозов» (1950, произведение получило Сталинскую премию) и его историю также изобразил писатель Александр Яковлев в книге «Пионер Павлик Морозов» (1938), которая позже была экранизирована (1963). Драматическую версию рассказа в четырех действиях воплотил Л. Румянцев в пьесе «Песня о нем не умрет» (1955). В словацкой среде мы могли встретить Павлика, например, в переводе Сони Чеховой, позже в статье под названием «Кем на самом деле был Павлик Трофимович Морозов?» (2010). Интерес к Павлику не угасал, и благодаря перестройке и открытию архивов была опубликована книга Юрия Дружникова «Информатор 001, или вознесение Павлика Морозова» (1988), а позже работа Катрионы Келли «Товарищ Павлик» (2009).

На вопрос о том, почему Павлик Морозов и сегодня находится в центре внимания, мы можем найти простой ответ: интересна неоднозначность его личности. Новые исследования пытаются вывести на первый план давно скрытые факты, но все же

представление героического мифа советской пропагандой живо и сегодня. Объяснение также можно найти в общем заявлении американских психологов Эллисона и Гетальса о том, что люди «часто способны видеть либо великое добро, либо великое зло в зависимости от убеждающих способностей рассказчика и его изложения истории» (Allison, Goethals, 2011, с. 16). В случае Павлика на первый план выходят две версии истории, и именно эти противоречивые тенденции продолжают привлекать внимание. В нашем исследовании мы анализируем обе версии истории Морозова и помещаем ее в схему традиционного героя, указываем типичные качества героя или антигероя. Мы также принимаем во внимание социальную трансформацию, которой подверглась Россия, которая неизбежно привела к трансформации ценностей.

С. Эллисон и Г. Гетальс в работе, посвященной героям, говорят, что у каждого человека есть закодированный список качеств, которыми должен обладать герой, и на основе этой схемы они делят персонажей на героев и злодеев. Первая ситуация, в которой оказывается типичный герой – это ситуация принятия решения поступить «правильно». Виталий Губарев в своей книге (Губарев, 1953) описывает ситуацию, когда Павлик узнает о недобросовестной деятельности своего отца следующим образом: *«Так как же, Трофим Сергеевич? – Возьми. – Добре! – сказал незнакомец. – А вот они, и гроши. Будь ласков, получи, Трофим Сергеевич. Мальчик перевел дыхание. Его больше не знобило. Было жарко, и лицо горело так, словно он лежал в крапиве. Неожиданно для самого себя он соскользнул с печи и крикнул срывающимся голосом: – Папанька!.. Что делаешь, папанька! – ... Чем торгуешь папанька?.. Совесть у тебя где?.. – Молчи! – Не буду я молчать, папанька! Не буду, не буду молчать!»*

Из отрывка становится ясно, что Павлику присуща и другая черта, характерная для героя, – нравственный выбор. Павлик сам думает о том, что делать, но его мораль не позволяет ему не действовать: *«Неожиданно для самого себя он соскользнул с печи»* – тело героя, как бы само по себе, решает действовать. Ласково обращенное к отцу *папанька* сигнализирует о внутренней борьбе. Хотя отец к мальчику жесток, он все равно его отец. Однако и здесь Павлик решается на «правильный поступок», отбрасывает ненужные сантименты и решает действовать. Отрывок ясно показывает, что Павлик вписывается в концепцию героя.

В качестве еще одной черты типичного героя выступают компетентность и высокий уровень способностей. В принципе не имеет значения, относятся ли способности к определенной области, поскольку герои, как правило, воспринимаются окружающими как успешные и способные личности. Так Павлик Морозов описан в книге Губарева как умный ученик: *«Вон Пашка какой большой и разумный вырос, лучший ученик в школе»*. Но в то же время у него есть и художественный талант, он пишет театральные пьесы для детей: *«На двенадцать часов дня в избе-читальне была назначена репетиция пионерского драмкружка. Под руководством Зои Александровны пионеры готовили к началу учебного года небольшую пьесу, которую сочинил Павел»*.

Существует еще одна особенность, которая часто проявляется у героев – это их лидерские способности. В книге Губарева мы находим упоминание о Павле как о пионервожатом сразу несколько раз: *«...учительница – пионерский отряд устроила. Ты слышал, дядя Трофим? Пашку пионеры своим начальником выбрали. ... Мальчик, благодаря которому я осталась в Герасимовке, оказался лучшим учеником в школе, он председатель совета пионерского отряда, организованного мною прошедшей зимой»*.

С. Эллисон и Г. Гетальс утверждают, что многие герои идут в решающий момент на «правильный поступок», хотя до этого они не проявляли себя как герои. Этот момент, несомненно, относится и к Павлику Морозову в книге Виталия Губарева. Автор изображает мальчика обычным учеником, который дерется с другими мальчиками, любит свою семью и любит выезжать на природу. Помимо активности в пионерском движении, нет ничего, что указывало бы на то, что позже он станет героем.

Самопожертвование – это еще одна черта героя, которую мы можем обнаружить в Павлике Морозове. Павлик своим решением в пользу родины пожертвовал отношениями с отцом, хотя они очень важны для мальчика его возраста. В критический момент, по словам Губарева, состоялся такой диалог: *«– Молчи! – Не буду я молчать, папанька! Не буду, не буду молчать! ... Он бросился к сыну, одним ударом сшиб его с ног. ... – Отца не слушает, товарищ Дымов ...»* То, что его позже убьют, конечно, не было ясно мальчику заранее. Однако даже гибель Павла и его брата Федора отмечена героизмом Павлика, который пытается спасти своего брата: *«... мальчики вдруг увидели деда Серегу и Данилу. ... Павел всматривался вперед – А ты иди сзади, отстань шагов на десять. ... Тут мальчик увидел в другой руке деда нож, рванулся, закричал: – Федя, братко, беги! Беги, братко!»*

Еще один аспект героизма, который С. Эллисон и Г. Гетальс обнаружили в ходе исследования, заключается в том, что героя часто сопровождает друг или помощник, который ему помогает. Эти «герои-помощники» в основном сглаживают слишком резкие героические черты главного героя, привносят в историю прагматизм, иногда юмор. В трактовке Губарева в знаменитой истории вместе с Павликом выделяется еще несколько значимых второстепенных персонажей:

1. коллективный герой – дети-пионеры, которые выступали с Павликом за строительство социализма и вместе с ним преодолевали препятствия: «– *Так и быть, простим, – продолжая улыбаться согласился Павел. – Ты, Мотя, так и знай: за дорожные знаки прощаем тебе нарушение дисциплины! Он отошел в сторонку, оглядел собравшихся и скомандовал: – Отряд, становись! Пионеры выстроились на полянке. Когда провели перекличку, оказалось, что на сборе присутствует десять человек*».

2. подруга Мотя, которая пережила разные приключения с Павлом и кажется, что даже испытывает любовь к молодому герою: «*Мотя долго смотрела на его неясный профиль, наконец прошептала: – Паш... – Паш... ... Павел с интересом взглянул на нее, убежденно сказал: – Электричество на самом деле будет. Помнишь, Зоя Александровна говорила, что в каждую деревню электричество проведут? Вот только колхоз сначала надо. – Только домов стеклянных не будет – побьются... – Мотя глубоко вздохнула, помедлила. – Паш, а один раз... ты мне приснился. – Я?!*» Мы предполагаем, что Мотя входит в историю также как прообраз женщины-помощницы, с которой юные читательницы могли бы идентифицировать себя, поскольку девушки представлены в истории очень мало.

3. брат Федор, который еще слишком мал, чтобы быть пионером, и который вместе с Павлом становится жертвой убийства: «*Усталые мальчики возвращались в деревню. Федя всю дорогу оживленно болтал. ... – Паш, а кто быстрее: волк или заяц? – Волк, наверно. – Паш, а у меня галстук будет, когда я торжественное обещание дам? – А как же! В березовых зарослях, где разветвляется тропинка, мальчики вдруг увидели деда Серегу и Данилу. Павел задержал шаг*». И в рассказе о Павлике второстепенные персонажи рядом с ним иногда облегчают ситуацию, в других случаях они привлекают внимание к главному герою, но в основном «очеловечивают» главного героя, помещая его в контекст межличностных отношений и указывая на «реальность» героя.

Образ героя часто формируется даже на основе простейшего принципа фундаментальных противоположностей добра и зла. Павлик в рассказе сталкивается со злом в виде отца, деда или других врагов социализма, и на фоне этого зла его героизм выделяется еще больше. Именно четко определив злодеев в книге, мы можем лучше идентифицировать положительных героев: в то время как представители зла эгоистичны и стремятся причинить вред другим, Павлик борется за «общее добро». Американские исследователи, упомянутые выше, утверждают, что злодеи часто являются полной противоположностью героям с точки зрения морали, но они очень похожи с точки зрения таланта и способностей. В случае книги Губарева это не совсем верно: отец, как и дед, изображаются отсталыми людьми.

Как видно из предыдущих отрывков, Павлик Морозов в интерпретации Виталия Губарева соответствует требованиям, чтобы стать прославленным героем. Правда, частью общества он был осужден, но с помощью пропаганды и воспитания подрастающего поколения его характер сформировался в героических координатах, и советская пресса отзывалась о нем только положительно. Почему же тогда возможно, что со временем отношение к Павлику изменилось, что герой стал антигероем, а его имя сегодня семантически такое же прецедентное явление, как, например, антропоним *Иуда*? Возможно, анализ книги Юрия Дружникова «*Доносчик 001*» (Дружников, 1988) поможет нам разобраться. Конечно, книга написана в другом жанре, нежели рассказ В. Губарева, но в ней запечатлено большинство спорных вопросов, которые скрывает в себе персонаж Павлика Морозова.

В то время как Виталий Губарев утверждает, что Павлик сам решил поступить так, как считал правильным, и донес на своего отца, Дружников предлагает совершенно другой взгляд на этот вопрос. Он утверждает, что во времена Павлика подобные действия происходили часто – особенно взрослые часто теряли моральные запреты, а у Павлика, ребенка, не было выбора и он выполнял только то, что видел в своем окружении в борьбе с противниками коллективизации. Это было не героическое решение, а простое подражание действиям других, за которым последовало злоупотребление его именем пропагандой: *«Морозов виновен меньше всего: он ребенок. Личность начинается с возможности выбора, а у Павлика и других деревенских детей 30-х годов выбора не было. И взрослые в те годы теряли моральные критерии, что же говорить о неразвитом мальчике? Тем более не*

может Павлик нести ответственности за то, что делалось от его имени после его смерти. Невинность мальчика-доносчика не вызывает сомнений, но вдвойне преступны те, кто растлевал детей, чтобы удержаться у власти».

Что касается критерия морального выбора героя, то Дружников утверждает, что новое поколение не сталкивается ни с каким моральным выбором, так как их мир уже сформирован и дан «сверху»: *«Старых моральных критериев эти молодые люди не знали. Они не имели возможности сравнивать и всегда были 'за', готовые, как предлагала популярная песня тех лет, петь и смеяться, как дети, среди упорной борьбы и труда. ... Следовательно, советских детей учат различать, что хорошо и что плохо не на основе фундаментальных моральных ценностей, как мы их понимаем, но, скорее, на основе советской доктрины».* Павлик, воспитанный своим временем и пропагандой, не решил моральную дилемму, он поступил так, как его воспитала идеология. И идеология влияет на детей повсюду, даже сами дети разносят ее между собой: *«Молодой лидер комсомола Александр Косарев говорил с трибуны: «У нас нет общечеловеческой морали. Мораль -- классовая. Наша мораль – это та, что взрывает капитализм, уничтожает его остатки, укрепляет диктатуру пролетариата, двигает вперед строительство социализма».*

В то время как Губарев в своей книге изображает Павлика способным и умелым мальчиком, Дружников говорит совсем противоположное, прямо отрицая эту типичную героическую черту, и из цитат очевидцев делает выводы об отсталости мальчика: *«Одноклассница Павла Королькова: „Был он слабенький, болел часто. Если бы у него были нормальные условия и мать нормальная, он был бы нормальным“. Крестьянин Байдаков: „Павел был недоразвитый мальчик“.* ... *Живого Павлика Морозова не обследовали невропатологи. По свидетельству матери, его вообще ни разу в жизни не осмотрел врач. Нам хочется считать его здоровым, однако он, по современной научной терминологии, является трудным, педагогически запущенным подростком из семьи с ненормальным психологическим климатом».*

С. Эллисон и Г. Гетальс утверждают, что одной из особенностей героя являются также его лидерские способности, которые легко можно обнаружить в книге Губарева, где Павлик был главой пионерского отряда. Дружникова, однако, ссылается на источники, которые утверждают противоположное, а именно, что Павлик вовсе не был пионером и, следовательно, не мог быть вожатым: *«Я вам правду скажу, – заявила, улыбаясь,*

одноклассница Павлика Матрена Королькова, – насчет того, что он был пионером, – все это, знаете, им хотелось, чтобы существовало. Но пока он не погиб, никаких пионеров и никакого пионерского отряда у нас не было».

Интерпретация истории Губаревым и Дружниковым совпадает в одной черте, которая приписывается героям – в том, что Павлик героически не проявляет себя до дня своего славного подвига. Оба автора говорят о Павлике как об обычном мальчишке, хотя Дружников упоминает о его отсталости, и ни в одном рассказе мы не раскрываем поступки мальчишка, которые могли бы предсказать, что он когда-нибудь станет героем.

Еще одна особенность героя – это самопожертвование. Уже Губарев показал, что Павлик сознательно пожертвовал семейными отношениями, но он все-таки не мог предсказать свою смерть. Дружников указывает в своей книге, что Павлик был жертвой, но скорее жертвой системы, чем целенаправленным героическим мучеником: *«Социальная модель 'сын против отца' возникла не случайно. Властям была выгодна, более того, необходима такая практика».* В то время как в книге Виталия Губарева мы находим несколько типов спутников героя (пионеры, друг, брат), Дружников в своем творчестве больше всего обращает внимание на брата Федора, погибшего вместе с Павликом. Он даже играет с гипотезой о том, что Федя выполнял ту же деятельность, что и его брат, и доносил: *«Если брат Федя помогал Павлику в работе, становится мотивированней и его убийство вместе с братом. ... Теперь Павлик использует Федора как личного осведомителя для мелких поручений. Федор исправно доносил брату, а тот дальше – властям».* В книге *«Информатор 001»* брат не играет роли, которая облегчает ситуацию или «очеловечивает» главного героя, но сам принимает активное участие в сюжете.

В книге Дружникова очень трудно найти еще одну характеристику, характерную для героев. Нет добра, которое выделялось бы на фоне зла. Большинство персонажей не представляют ни один полюс, нет четкой границы между добром и злом. Сами Эллисон и Гетальс признают, что люди в основном действуют в сочетаниях добра и зла, и граница между ними создается самим реципиентом.

Как мы видим, отношение общества за эти годы значительно изменилось. В то время как Губарев передает историю идеального героя, бесспорно, с пропагандистской целью, Дружников абсолютно разрушает этот миф – социальная трансформация выбрала жертв даже среди «героев». Однако падение культа Павлика не было внезапным, постепенные

тенденции проявлялись и раньше. Хотя Павлик Морозов на протяжении многих лет был образцом для всех пионеров как один из ярчайших примеров пионерской чести, в более поздние времена он постепенно был забыт. Например, если в 1934 году Максим Горький отметил героизм Павлика, то в 1952 году председатель Академии педагогических наук уже упомянул других героев в своей вступительной речи по случаю открытия конференции по детской литературе: «Детей интересуют книги о вождях рабочего класса зарубежных стран. Они хотят читать о жизни замечательных людей нашей эпохи: о великих летчиках Чкалове и Гастелло, о Сереже Тюленине, о Лизе Чайкиной, о детских годах Ули Громовой, Любви Шевцовой, о Зое Космодемьянской, биографические рассказы о Лысенко и Мичурине, о великих русских полководцах и многих других замечательных людях» (Каиров, 1952, с.7). Павлик, конечно, не исчез полностью, но можно увидеть своеобразную трансформацию в его восприятии: постепенно «забывалось», что он сделал донос на своего собственного отца, скорее его описывали как борца за коллективизацию. Так, например, в руководстве по чтению для детей от 1957 года мы можем найти 3 рекомендации книг с «морозовскими» темами, но ни в одной из аннотаций к книгам не упоминается донос на отца. Это также может быть связано с тем, что после послереволюционных лет, когда семье не придавалось особого значения, вновь сформировался культ семьи и послушности детей (Kaganovsky, 2008). Со временем Павлик числится в рядах героев скорее военных, и суть его славного подвига теряется. Об этом свидетельствует следующий пример учителя, который проводил эксперимент с учениками: дети должны были выбрать, каким героем из литературы они хотели бы быть, и одна девочка выбрала Тимура. «А затем был поставлен вопрос, обращенный к Тимуру: А если бы в команду можно было принять только пятерых – самых лучших из лучших, кого бы ты выбрал? И опять последовал любопытный ответ: Володю Дубинина, Ваську Трубачева, Ваню Солнцева, Павлика Морозова и Мальчиша-Кибальчиша» (Дубровина, 1952, с. 53). Павлик Морозов, таким образом, оказывается в компании детских героев, чьи истории происходили (в основном) во время войны. По случаю 30 годовщины основания Пионерской организации В. И. Ленина секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов также рассказал юным пионерам о других героях, хотя ожидалось, что представитель пионерской организации будет упоминать Павлика: *«Советские пионеры живут интересами своей социалистической родины. Во время Великой Отечественной войны пионеры показали много примеров мужества и героизма. Саша Чекалин умер*

мученической смертью от рук врага. С честью и гордостью носил имя молодого ленинца Володя Дубинин. Пионеры из всех сил помогали фронту. В бой пошли танки 'Московский пионер', 'Иркутский пионер', 'Новосибирский пионер'» (30 лет пионерской организации В. И. Ленина, 1952, с. 13). От увековечения памяти о периоде коллективизации постепенно отказывались, и на первый план вышел героизм Великой Отечественной войны. И так, с течением времени, Павлик стал «трагическим лингвокультурным феноменом России» (Sipko, 2013, с. 110). В то же время Павлик Морозов стал символом коллективизации, символ эпохи «когда миллионы семей, которые не хотели вступать в колхозы и совхозы, насильно выселяли в отдельные регионы страны» (Sipko, 2013, с. 110).

На основе анализа текстов В. Губарева и Ю. Дружникова мы видим, что образ героя или антигероя – категория субъективная. В то время как одна сторона способна представить типичного героя в произведении, другая сторона описывает противоположное. Герой также отражает свою эпоху, и примером могут послужить другие детские герои, вошедшие в историю как доносчики. Образ Павлика Морозова остается актуальным и по сей день, и взгляд на него с обеих сторон способен дать лучшее представление об этом спорном герое. Хотя сегодня имя Павлика уже используется как метафора предателя, его популярность в первой половине XX века можно объяснить героизирующей интерпретацией жизни Павла в искусстве.

II.2 Преображения советских героев

В следующей главе мы попытаемся рассмотреть конструирование образов И. Мичурина и П. Морозова в русском дискурсе начиная с 30-х годов XX века. Может показаться, что И. Мичурин и П. Морозов, на первый взгляд, персонажи очень разные и почти несовместимы в одном исследовании. Если Мичурин прославился своими научными экспериментами, которые поддерживались советской властью, причем сам он себя называл «незначительным отшельником экспериментального садоводства» (Olšáková, 2014, с. 194), то Морозов был, вероятно, полуграмотным деревенским парнем, известным как доносчик, предавший родного отца, которого, однако, советская власть возвела на пьедестал славы. Уже только в базовом описании обоих персонажей мы видим кардинальные несоответствия и противоречивые утверждения. Поэтому мы предполагаем, что эти антагонистические

позиции также будут отражены в медиальном дискурсе в течение рассматриваемого периода.

Мы предполагаем, что подтвердится утверждение профессора Сипко, что «через имена и фамилии известных советских деятелей и через другие советизмы дается негативная косвенная оценка современных реалий» (Sipko, 2008, с. 237). Основной гипотезой обращения к данной проблематике является предположение, что образы советских героев также развивались в постсоветский период, в рамках которого мы выбрали несколько эпизодов из двух основных периодов развития российского общества после распада СССР: с 1990 по 1998 год и с 1999 по 2017 год. Предположение о том, что во время первого периода в дискурсе мы встретимся с осуждением советских героев, а во втором с переосмыслением характера персонажа и отношения общества, мы подтвердим фрагментами дискурса из нескольких национальных и региональных периодических изданий. Мы также предполагаем, что фигура пионера Морозова будет оцениваться более резко в постсоветский период, а его образ будет значительно более негативным, чем образ И. Мичурина.

«Согласно тезису Ленина о газетах как „коллективном агитаторе и организаторе“, в советский период происходит значительный сдвиг в роли периодических изданий: они больше не только сообщают о событиях внутри страны и за рубежом, но, прежде всего, организуют и направляют жизнь советского гражданина» (Adamka, 2010, с. 28). Газеты публиковали различные материалы с целью расширения влияния партии и информирования о достижениях советского строя. С конца 20-х годов в течение многих лет самым ярким и очень популярным жанром советской журналистики был очерк с доминирующей эстетической функцией, в первую очередь портретный очерк (Adamka, 2010, с. 32). Именно благодаря репортажным и портретным статьям Иван Мичурин стал знаменитым еще при жизни, причем этому содействовали и академик Лысенко, и Советская власть, которая в том числе через средства массовой информации представляла его как последователя дарвинизма, который продвигал идею о том, что «мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» (И. В. Мичурин, 1934). В статье «*Переселение растений*» (Правда, № 313, 1933, с. 2) с самого начала читатель встречается с суперлативами в адрес садовода-экспериментатора. Статья, задуманная как репортаж из сада биолога, описывает место его работы как храм науки, в котором была достигнута вершина биологии, то, к чему

с самого начала стремилась советская революция, и то, что провозглашает вышеупомянутое заявление Мичурина, превращенное в пропагандистский лозунг: «Мы прикажем ветру, дождю». Автор описывает питомник Мичурина как *самый привлекательный уголок Союза, удивительный сад, изумительное место, мощный рассадник*. Несколько раз в тексте встречается информация о том, что земля, на которой он экспериментирует, ранее была монастырем – автор подчеркивает достижения, которые демонстрирует наука по сравнению с религией. Однако, с другой стороны, совершенно вопреки научному мировоззрению, автор использует концептуальную метафору сказки: он рассматривает победу над природой как нечто сверхъестественное, когда пишет: «Под северным небом растут южные деревья, ... как будто сюда перенесено жаркое солнце Батуми, ... глубокая осень, но как в начале лета зреет вишня, ... как в субтропиках чувствуют себя деревья, переделка природы». И во всем этом «царстве» господствует «чародей» Мичурин, которому присваиваются эпитеты *известный опытник-садовод, неутомимый исследователь, пионер великого переселения растений, крепкий и бодрый*. В статье, опубликованной в государственной газете «Правда», используется концептуализация и широкий спектр возвышенных эпитетов, чтобы донести до читателя ясную информацию: Мичурин способен влиять на природу и служит источником знаний и практически «чудесной» силой достигает победы науки над природой.

С другой стороны, пионер Морозов при жизни вообще не был известен, однако прославился своей смертью. Первые известия о смерти мальчика появились в областной газете «Тавдинский рабочий», и именно статьи из областных газет легли в основу культа Павлика. Информация о его смерти также появилась в государственной газете «Комсомольская правда», но это была всего лишь новость о приговоре убийц Павлика и его брата к расстрелу (Комсомольская правда, № 275, 29.11.1932). Конечно, позже Павлику уделялось гораздо больше внимания в прессе, но это были в основном региональные периодические издания, или издания, предназначенные для юных пионеров (Дружников, 1988). О смерти Мичурина, однако, государственные газеты сообщали широко: на следующий день после смерти биолога и «Правда», и «Комсомольская правда» опубликовали обширный некролог и несколько отдельных статей, посвященных этому «гению советской селекции». Среди прочего, была опубликована статья под названием «*Революционер науки*» (Комсомольская правда, № 130, 1935, с. 3), в которой заслуги И. Мичурина описывают члены Академии наук. В отличие от опубликованной при жизни

статьи, в большей степени подчеркиваются заслуги партии и Ленина в исследованиях Мичурина. Автор называет его работу революцией, и последняя также играет в статье решающую роль: Мичурин добился своих успехов не только благодаря своему мастерству и гениальности, но главным образом благодаря революции 1917 года. Автор пишет: *«Умер человек, с именем которого связана революция в растительном мире. Мичурин начал свою замечательную работу в проклятые годы царизма. Вся дореволюционная жизнь его была полна тяжелых переживаний и лишений. ... Великий Октябрь создал величайшему мастеру плодоводства неограниченные возможности творческой научно-исследовательской работы. ... И. В. Мичурина открыл нам великий вождь трудящихся всего мира В. И. Ленин»*. Образ Мичурина из старика со сверхъестественными способностями превращается в, скорее, продукт революции, который без поддержки революционного лидера Ленина никогда бы не смог использовать свои способности. Уже через несколько лет мы видим сдвиг в восприятии этой личности, она начинает сливаться с обществом и властью, и вместо сильного индивида внимание фокусируется на коллективе, который его окружает, при этом его способности отходят на второй план.

Хотя Павлик стал известным персонажем во всем Советском Союзе и значительной фигурой в 1930-е и более поздние годы, при изучении прессы 1980-х годов мы его имя обнаружили лишь несколько раз. Не удалось обнаружить даже статью, которая была бы посвящена годовщине его смерти. Однако нам удалось найти несколько примеров, из которых становится ясно, какую трансформацию пережил герой. Статья *«Пополнение флота»* (Касянов, 1981) сухо сообщает о новом танкере, названном «Павлик Морозов», не комментируя заслуги Павлика. Второй пример, *«Афганская ночь»*, обсуждает войну в Афганистане. Автор пишет: *«Человек нового афганского общества. Его политические взгляды, истинный патриотизм укрепляются сегодня. Афганская земля уже дала своих первых Павлов Корчагиных и Павликов Морозовых»*. Павел выделяется как прототип нового человека: если раньше говорили о новом советском человеке, то сегодня это афганец. Первый «афганский Павлик» освободил группу бойцов – похоже, имя Павлика стало вообще ассоциироваться с храбрым молодым человеком, а предательство Павлика тридцатых годов было забыто. Но уже в следующем абзаце автор описывает историю 14-летнего мальчика по имени Чорсар, который донес на собственного отца, который объединился с бандитами. Отец, которому удалось сбежать, пытался повесить своего сына,

но в конце концов он выжил. Таким образом, даже на закате советской власти история Павлика Морозова остается актуальной даже в первоначальном смысле: он продолжает оставаться героем, который борется за национальные интересы даже за счет собственной семьи.

Имя Ивана Мичурина, согласно нашему опросу, более популярно в советских СМИ в 80-е годы XX века: он упоминается во многих статьях, посвященных сельскому хозяйству и биологии, но журналисты вспоминают его и в годовщины рождения или смерти. По случаю 125-летия со дня рождения селектора (1980 год) был опубликован текст с заголовком *«Сады обновления. Исполнилось 125 лет со дня рождения И. В. Мичурина»* (Сады обновления. Исполнилось 125 лет со дня рождения И. В. Мичурина, 1980), в котором автор трезво упоминает заслуги Мичурина в области селекции. Даже в 80-е годы журналисты не избегали восхваления заслуг Ленина и Коммунистической партии в достижениях биолога: *«На столе в кремлевском кабинете В. И. Ленина всегда лежала стопка книг „Обновленная земля“. ... С этой книжкой должен ознакомиться каждый работающий в сельском хозяйстве, говорил он. ... Одним из самых ярких выдающихся ученых, воплощавших в жизнь идею обновления земли, был Иван Владимирович Мичурин»*. Именно на примере данного отрывка мы можем легко продемонстрировать постепенное превращение Мичурина из гениального «колдуна» биологии в фигуру, завершающую культ коммунистического режима, хотя сами его достоинства отодвигаются на задний план. Автор хоть и упоминает далее личные заслуги Мичурина, первая часть статьи посвящена именно Ленину и его усилиям по развитию советского сельского хозяйства.

Интересно, что после статьи о дне рождения Мичурина в 1980 году, мы стали находить в доступной базе данных (Russian Central Newspapers, часть онлайн-базы данных East View) все меньше и меньше текстов, в которых упоминалось бы его имя. Кажется, что на протяжении 80-х годов он уходит на второй план, а с 1984 года до начала 90-х мы не нашли ни одной соответствующей статьи. Хотя за период 1984 года мы нашли несколько статей, в которых упоминается Мичурин, в основном речь идет об использовании его имени в названиях совхозов или колхозов. Исключив эти тексты, мы продемонстрируем изображение Мичурина только на примере трех статей. Первая из них называется *«Человек и природа. Роща Шайдурова»* (Мацкевич, 1984) и она посвящена садоводу из Казахстана, который посвятил всю свою жизнь своему саду и сумел вывести новый сорт грецкого ореха.

Но после его смерти его сад переходил от одного владельца к другому и приходил в упадок. И именно тогда автор заявляет: *«Естественно, люди, уважающие труды казахстанского Мичурина, забили тревогу»*. Впервые в корпусе изучаемого материала появляется имя И. Мичурина в позиции прецедентного явления, и благодаря этому названию читатель лучше понимает работу и достижения казахстанского биолога. Далее следует краткий отчет о двухсотлетней яблоне *«Яблоне – два века»* (Георгиев, 1984), в котором говорится об особой защите редкого дерева и упоминается, среди прочего, что *«в свое время этим чудодеревом заинтересовался И. В. Мичурин»*. Хотя в тексте не упоминаются достижения Мичурина, он представляется в данном контексте как авторитет, который одобряет решение об охране ценной древесины. Последняя статья 1984 года – это текст о режиссере Довженко *«Песня родной земли. К 90-летию со дня рождения Александра Довженко»* (Чухрай, 1984) и его творчестве, которое включает фильм про Мичурина: *«Последний фильм, который создал Довженко, был фильм о Мичурине, великом преобразователе природы, вся жизнь которого прошла в борьбе с косностью и рутинной. Довженко знал, как жестока эта борьба. Образ великого мечтателя был очень близок режиссеру»*. В статье мы впервые встречаемся с определением Мичурина как «мечтателя», и впервые это указывает не на его достижения и авторитет, а скорее на его мечты, которым не всегда доводилось воплощаться в жизнь. Таким образом, в течение первых пяти лет 80-х мы обнаруживаем образ Мичурина в разных позициях: от фигуры, олицетворяющей усилия коммунистической партии, до мечтателя, борющегося с потребительским обществом.

Само собой разумеется, что с падением советского режима достижения или личности, связанные с ним, отошли больше на периферию интереса журналистов, но они не исчезли полностью. В рамках российского медиадискурса мы до сих пор встречаем как имя Павлика Морозова, так и имя Ивана Мичурина. Можно предположить, что в годы, последовавшие за распадом Советского Союза, общество, в том числе через периодическую прессу, переоценивает свое прошлое, переосмысливает взгляды прежнего режима. Только при поиске имени «Павлик Морозов» в базе данных центральных газет России после 1991 года мы нашли 505 результатов. Во многих статьях, однако, имя фигурировало в другом контексте и совсем не касалось героя, которого мы ищем, но даже в этом случае можно сказать, что этот персонаж довольно часто появляется в прессе после 1991 года. Для анализа в период 1991–1999 годов мы отобрали несколько статей, в которых Павлик фигурирует в

качестве главного героя или упоминается в них. Например, газеты «Красная Звезда», принадлежащие Министерству обороны РФ, в 1992 году сдержанно сообщили о демонтаже статуи Павлика (Таланин, 1992), которая стояла рядом со зданием, переданным женскому монашескому ордену. В этой короткой статье автор очень умело указал на изменение системы и десоветизацию страны. В следующей анализируемой статье под названием *Подумаем вместе. Чьи мы наследники?* (Хорев, 1992) автор более глубоко задумывается о ценностях, на которых выросло новое общество, пишет: *«Сегодня многие из прежних догм и предрассудков умирают, кажется, у нас на глазах, как призраки... Ибо только Родина у человека одна. Все остальное – приходит и уходит»*. Один из догматов также касается Павлика Морозова, и значительная часть статьи посвящена именно ему, причем автор решительно осуждает его поступок: *«Донос на родного отца Павла в культ не возводить, ибо при любом, как говорится, раскладе он противоречит человеческой природе и всем нравственным нормам»*. Вся эта история называется *«шумной и многолетней пропагандистской кампанией»*. В статье мы встречаемся не только с рассмотрением изменений социальных условий, но и с осуждением Павлика, которого автор осуждает за то, что раньше почиталось. В следующей статье под названием *«В нашей деревне огни не погашены»* (Никонов, 1997) автор очень пронзительно описывает российскую деревню во время экономического кризиса 90-х годов. Помимо повседневных забот, жителей также касаются изменения в политической ситуации и тема религии. В тексте говорится: *«Но вот отрывается от своей козы, овец, гусей и кур маленькая женщина, учительница труда и рисования Наталья Шапошникова, берет кисти и краски, купленные на последние деньги, и пишет в школе икону – Донскую Божью мать. Благодаря Наталье уже не павлики морозовы сурово глядят на нас со школьных стен, но андерсеновские лебеди и русская красавица с косой»*. В очередной раз мы сталкиваемся с противоположными элементами: религией и коммунизмом. Что еще интереснее, в статье мы встречаем имя Павлика Морозова, написанное со строчной буквы, обозначающее, соответственно, целую группу людей, которых до этого пропаганда возводила на пьедестал почета и которые до сих пор являются символом коммунистического режима. Кроме того, обобщение имени Павлика говорит о его известности и глубоком укоренении его имени и лингвокультурологических коннотаций, связанных с ним, в обществе. Следующая из рассмотренных статей посвящена Французской революции 1789 года (Кедров, 1998) На первый взгляд, нет никакой связи с

Павликом Морозовым, но автор использовал его имя, чтобы охарактеризовать другого персонажа, сына Марии-Антуанетты: *«Могла ли она знать, что рожденный ею сын будет отнят от матери, ему внушат, что его мать „проститутка“ и „австрийская шпионка“, и он будет свидетельствовать против нее в революционном трибунале. Французский Павлик Морозов»*. Автор вместо подробного объяснения действий ее сына использовал очень четкую аналогию. Предпоследний изученный текст переносит нас в русскую школу в 1998 году. Автор в статье *«Равнение на Павлика»* (Бойцхенко, 1998), уделяет внимание теме свободы мнений в образовании. Дело простое: учительница дает ученикам читать газеты, пропагандирующие коммунизм и хвалебно пишущие о Павлике Морозове: *«А главное, что Павлик Морозов – невинно оклеветанный „убиенный отрок“ и пример для подражания»*. Темой всего текста является плюрализм мнений в образовании, но автор выбрал Павлика для более подробного описания темы. Мы предполагаем, что причина заключается в его изображении в качестве героя, предназначенного для детей. В тексте мы снова встречаем Павлика как метафору целой эпохи, представляющую негативные черты коммунизма. Преодоление прошлого достигло кульминации в 1999 году с возобновлением дела об убийстве Павлика и его брата. В газете «Коммерсантъ» мы находим статью *«Павлик Морозов был сыном бизнесмена и внуком уголовника»*, посвященную именно этому судебному процессу (Гриднева, Смирнов, 1999). Автор уже в названии связывает новые реалии с персонажами, связанными с коммунизмом. В тексте повторяется история уральской деревни, но уже используются иные средства выражения, нежели те, к которым мы привыкли в прошлом. Отец Павлика, по мнению автора, *«помогал богатым односельчанам»*, а по поводу суда над убийцами Павла пишет: *«Так Павлик Морозов стал первым пионером-героем, а уголовное дело было раздуто до размеров политического»*. В конце статьи цитирует приговор суда: *«Генпрокуратура пришла к выводу, что „подвиг“ Павлика Морозова „имеет искусственную идеологическую основу“*». Так, в конце XX века завершилась история пионера-героя, которая также получила официальный ярлык сфабрикованного дела.

Фигура Мичурина также не исчезла из медийного дискурса. По случаю 140-летия со дня его рождения в газете «Красная Звезда» была опубликована статья под названием *«Имена и судьбы. Строитель незябнущих растений»* (Беличенко, 1995). Впервые мы встречаемся с трезвой оценкой персонажа, без лишнего пафоса или приписывания

неоправданных заслуг. В тексте мы читаем: *«Я не думаю, что Мичурин был великим ученым. Но бескорыстным, честным и творчески смелым естествоиспытателем и практиком плодоводства он, безусловно, был»*. В то время как позиция Павлика Морозова резко меняется после распада СССР, Мичурин продолжает оставаться позитивно воспринимаемой фигурой. Автор также указывает на неправильное толкование его заявления *«„Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача“ – эта крылатая формула мичуринская, прямолинейно понятая недобросовестными или малообразованными преобразователями, принесла российской природе немало вреда. Но Мичурин в этом не виноват»*. Хотя Мичурин как личность переосмысливается, и иногда проявляются и негативные оценки, он все еще остается в глазах общественности успешным ученым.

Точно так же, как мы встретились с обобщением (апеллятивацией) имени Павлика Морозова, мы также встречаемся с обобщением имени Мичурина. В тексте *«Бешенная корова на вольном выпасе»* (Коваленко, 1996), посвященном коровьему бешенству, написано: *«Между тем, природа снова мстит за то, что мы не ждем милостей от нее, а непременно пытаемся взять их силой. Местные лысенки и мичурины, стремясь наладить ускоренное конвейерное разведение скота, заменяют корм в виде травы животными комбикормами»*. Имя Мичурина представляет, судя по контексту, всех ученых, которые не работают в гармонии с природой и в конечном счете наносят вред природе как таковой. В статье имя Мичурина выделяется в оценочной позиции с отрицательным оттенком. В другой опубликованной статье *«Вождь пролетариата интересовался созданием обезьяно-человека»* (Долганов, 1998) автор описывает профессора Иванова, занимающегося скрещиванием животных, и говорит о нем как о *Мичурине от зоологии*. Имя Мичурина выделяется как прецедентное явление, и его использование дает нам представление о действиях профессора Иванова, даже если мы никогда не слышали его имени. В связи с экономическим кризисом в постсоветской России появляются и актуализированные изречения классиков, в том числе и Мичурина. В статье *«Сильные духом»* (Советологов, 1998) мы читаем: *«Мичурина помни. Милости от природы не жди. Иди и бери то, что еще другие не взяли»*. В тексте мы чувствуем сильный сарказм или сатиру на современное автору общество, где каждый безжалостно брал то, что попадалось под руку.

После 1999 года в России наступают политические изменения, связанные с приходом к власти Владимира Путин, которому принадлежит ставшая ключевой фраза высказана в 2005 г. о том, что «Распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа XX века». Похожие заявления указывают на то, что отношение к социалистическому прошлому начинает улучшаться, и люди, измученные шоковой экономической реформой 90-х годов, снова мысленно возвращаются в СССР и с ностальгией вспоминают прошлые времена. В рамках исследования текстов последнего периода мы предполагаем небольшое «потепление» отношения к советским героям, возможно, даже более частые упоминания об их былой славе. Первая проанализированная статья, *«Дело о гибели Павлика Морозова и реабилитации его убийц»* (Сопельняк, 2000), датированная 2000 годом, посвящена ранее упомянутому судебному разбирательству по вопросу реабилитации убийц Павлика Морозова. В статье прослеживается очевидная попытка разобраться в прошлом: автор пытается объективно оценивать возникшую ситуацию, аргументируя архивными документами. О Павлике он говорит: *«Сначала пионера-героя, разоблачившего собственного отца-подкулачника, ставили всем ребятам в пример и славили, как это сделал поэт Степан Щипачев, в стихах. А затем, во времена перестройки, на волне всеобщего прозрения бросились в другую крайность: и отца-то он продал, и всю деревню в страхе держал, и убили-то его за дело»*. Исходя из имеющейся информации, автор составляет мозаику истории Павлика, обрамляя его с текущим судебным процессом. Весь текст звучит довольно нейтрально – сюжет описан без эмоций, и Павлик скорее второстепенный персонаж. В целом мы оцениваем формулировку статьи как нейтральную. В следующей статье (Новиков, 2001) автор размышляет о героизме, и имя Павлика появляется на фоне трагических событий, связанных с угоном самолета, на борту которого погибла стюардесса Фомина. Именно ее именем будет назван новый самолет. В связи с этим автор размышляет о героизме: *«Помнится, когда-то именем Павликов Морозовых советская власть называла колхозы. (Кстати, не смейте упрекать меня в цинизме: Павлик Морозов, погибший от рук злодея-кулака, был ничем не хуже Юли Фоминой, это был искренний мальчик, выполнивший свой „пионерский долг“, но скорее ЖЕРТВА, чем ГЕРОЙ; власти же зачем-то понадобилось превратить его именно в ГЕРОЯ)»*. Как мы видим, автор прямо пишет о том, что Павлик не герой, а жертва, показывая его скорее в положительном свете, так как мы обычно склонны сочувствовать жертвам. В тексте *«Второе пришествие*

отца народов» (Казовский, 2001) автор описывает странные ситуации: в небольшом городке Аткарск был воздвигнут новый памятник Сталину, благодаря чему у посетителей появилась возможность *«вернуться в прекрасное прошлое, постояв в раздумье у бюста лучшему другу всего прогрессивного человечества Иосифу Виссарионовичу Сталину»*. Текст о русской душе, которая по непонятным причинам любит возвращаться в прошлое, заканчивается описанием еще одной местной достопримечательности: это статуя Вали Макеевой – *«это саратовский Павлик Морозов женского пола»*. Автор снова использует славу Павлика, чтобы охарактеризовать другого персонажа, и в то же время использует связанные с ним отрицательные эмоции, которыми описывает гнетущую атмосферу постсоветского периода, когда он говорит: *«сейчас вроде бы время другое – не коллективизация, а совсем наоборот, но идолы те же»*.

В 2002 году исполнилось 70 лет с момента убийства героического пионера, и СМИ также обратили на это внимание, было опубликовано много текстов на эту тему, а также интервью с Юрием Дружниковым и разные фельетонные размышления. Статья под названием *«Часовня имени Павлика Морозова»* (2002) снова описывает противоположность двух идеологий: религии и коммунизма. После описания жизни Павлика и трагедии, в которой он погиб, автор, между прочим, говорит: *«В Москве памятник „пионеру-герою“ стоял в одноименном детском парке на Дружинниковской улице, на задах Дома правительства. В 1991 году памятник снесли, а на его месте построили деревянную часовню»*. Автор воздерживается от выражения собственного мнения, но становится очевидно, что он не сочувствует пионеру-герою, при этом в целом статье удается оставаться деловой, стилистически нейтральной и эмоционально неокрашенной. Как раз наоборот звучит статья *«Круглый стол. Жива ли совесть на Руси?»* (Крылов, 2003), в которой мы находим размышления о том, какие моральные критерии играют роль в жизни современного человека. Автор упоминает Павлика в следующем контексте: *«На Руси испокон веков почитался культ семьи, уважения к старшим, супружеской верности, чадолубие. ... Миллионам советских детей в качестве примера для подражания приводился Павлик Морозов. Стоит ли удивляться, что ныне наблюдается полный откат от традиционных христианских нравственных ценностей. Взамен их создан культ силы, сексуальной распущенности, нигилизма»*. Автор приводит культ Павлика в качестве одной из причин распада традиционной семьи, а также связывает его образ с распущенностью. В этом

контексте роль Павлика меняется: он является символом отрицания семьи, но, с другой стороны, его нельзя ассоциировать с культом власти или с утратой сексуальных ограничений. Таким образом, фигура Павлика приобретает совершенно другие коннотации. 80-я годовщина смерти Морозова в 2012 году больше не вызвала широкого интереса средств массовой информации, доступная база данных показала нам только один результат под названием *«Испугались Дворца пионеров»* (Козырев, 2012), который посвящен вандализму и повреждению исторических памятников, а юбилей в нем затрагивается лишь косвенно. Жители Зеленогорска были возмущены устранением надписи «Дворец пионеров» со здания, принадлежавшего молодежной организации. *«Акция совпала с чёрным „юбилеем“: 80 лет назад от рук убийц погиб юный Павлик Морозов. Его, как известно, убили дважды: в сентябре 1932 года и в дни антисоветского переворота в августе 91-го, когда глумились над памятником. Кому-то и этого мало».* Из вышесказанного ясно, что автор статьи также занял однозначную позицию: он против устранения надписи и отказывается осуждать героического пионера. И снова в тексте мы находим сильные проявления ностальгии по советскому прошлому. В том же году Павлик Морозов также упоминается в статье *«Ложь и правда о коллективизации»* (Емельянов, 2012), посвященной 95-ой годовщине Октябрьской революции. Автор статьи выражает свое возмущение фильмом о коллективизации, который транслировался вечером накануне юбилея. Автор обвиняет его в тенденциозности и недостоверности, так как он основан на свидетельских показаниях, а их никто не может проверить. Он говорит, что *«создатели постарались (в который уже раз!) облить грязью память Павлика Морозова, сказав, что в советское время его сделали „Евангелием коллективизации“, но на самом деле он будто бы стал для народа „символом предательства“».* Он отвергает также мнение режиссера, который *«возложил вину на „случайных людей“».* Автор этой статьи усиленно отстаивает линию прежнего режима и защищает Павла как героя, ставшего жертвой своих близких. В статье мы снова видим стремление идеализировать молодого героя, приписывание ему положительных качеств. Газета «Вечерняя Москва» пытается взглянуть на проблему с нескольких сторон: в рамках празднования годовщины смерти молодого героя она приводит результаты опроса, в котором журналисты газеты комментируют эту историю. В тексте *«Юная жертва страшного времени»* (Идрисова, 2013) автор утверждает, что Павлик *«не предатель, Пашка, хрупкий пацан с не по-детски серьезным выражением лица. Он жертва страшного*

времени, в которое ему довелось родиться и пожить. Немного. Поэтому не надо плевать на его могилу». С другой стороны, другой сотрудник в статье «Геройство, оказавшееся предательством» (Зернаков, 2013) утверждает прямо противоположное: «Предательство собственной крови – одно из страшнейших преступлений. И Павел Морозов, пусть читатель простит мой цинизм, заплатил за свое предательство (а это было именно оно) высшую цену из всех возможных». В обоих текстах есть явное стремление переоценить прошлое, которое все еще воспринимается по-разному. Авторы выражали мысли, созвучные обоим лагерям, сформировавшимся в обществе, не пытаясь ни на кого повлиять, а лишь предлагая взглянуть на ситуацию с разных точек зрения. Поскольку «Вечерняя Москва» пыталась донести взгляды обоих лагерей, мы оцениваем статью как нейтральную.

Попытки закрыть старое дело или раскрыть тайну того, что на самом деле произошло с Павликом, предпринимаются журналистами и сегодня. Текст 2016 года «Павлик Морозов: всё не так» (Смирнов, 2016) снова приводит нас в родную деревню Павлика, где происходит действие всего репортажа. Автор сначала приводит разные версии того, что случилось: «По одной из них, Павлик написал донос на своего отца ... По другой версии, Павлик был убит сотрудниками ОГПУ: якобы системе для обоснования репрессий необходим был герой». Уже во введении присутствует явное стремление описать ситуацию в более широком контексте и беспристрастно, с учетом всей возможной имеющейся информации. Автор в тексте описывает взгляды Нины Купрацевич, директора музея Павлика Морозова в Герасимовке, которая в итоге приходит к выводу, что «Всё говорит о том, что ребят убили в состоянии крайнего испуга. Думаю, что это были раскулаченные крестьяне-спецпереселенцы, которые жили в землянке и прятались в лесу от властей. Боясь, что мальчики их выдадут, они и схватились за ножи...» Таким образом, в рамках переосмысления возможных сценариев, спустя 84 года после самих событий, появился еще один: Павлик был убит неизвестными, случайными людьми. Верна эта версия или нет, ясно одно: попытка переосмысления старого культа по-прежнему актуальна, и многие пытаются найти другого виновника, такого, который не разделит бы общество на два лагеря и в то же время смыл бы с Павлика оба атрибута – героизм и предательство. Конечно, использование имени Павлика как прецедентного явления также не исчезло из дискурса, примером может послужить статья «Я не Павлик Морозов» (Медынцева, 2016) о Марине Михайленко, дочери российского генерала, которая уже после событий на Майдане вышла замуж за министра

иностранных дел Украины. В свою защиту она опубликовала следующий статус в социальной сети Facebook: *«Мои предки, украинцы, были тесно связаны с Крымом – там похоронены мои прабабушка, бабушка и дед. Потому аннексия Крыма стала моей личной трагедией. Но я не собираюсь отказываться от отца, хотя давно не общаюсь с ним. „Подвиг Павлика Морозова“ даже в моем полусоветском детстве не вызвал у меня ничего, кроме отвращения».* Тот же образ предателя мы находим в статье *«Павлик Морозов 2.0»* (Сыроежкин, 2016), в которой автор описывает новое приложение ГИБДД, в котором свидетель нарушения правил дорожного движения может напрямую отправить видео сотрудникам полиции, и они начнут действовать. Таким образом, при использовании имени Павлика в качестве прецедента мы с большей вероятностью столкнемся с негативными коннотациями и намеками на предательство.

В последнее время имя И. Мичурина также появляется в прессе, хотя и не очень часто. Более обширная статья 2001 года под названием *«Финансистам нужен опыт Мичурина»* (Куприянов, 2001) приводит интересную параллель между биологом и экономистами. В статье, в дополнение к краткому нейтральному описанию мичуринских экспериментов, говорится: *«Глядя на российский рынок, явно испытывающий определенный дефицит адаптированных к текущим задачам и условиям финансовых институтов, инструментов и механизмов, так и хочется призвать финансистов последовать примеру знаменитого соотечественника. Казалось бы, все основное в нашей системе финансовых рынков есть. Тут вам и банки, и биржи, и пенсионные фонды, и акции. Но все какое-то „низкорослое“, „морозонеустойчивое“ с „кислыми плодами“».* Имя Мичурина в этом контексте выделяется как прецедентное явление, указывающее на необходимость улучшения функционирования российских финансовых рынков, автор говорит: *«Опыт Ивана Мичурина финансовым „селекционером“ тут не помешал бы».* Еще одна анализируемая статья напрямую затрагивает объект исследования Мичурина – садоводство. Название статьи юмористическое: *«На дубе зреет виноград – вот Мичурин был бы рад!»* (Титова, Гончарова, 2002), в нем содержится отсылка к мичуринскому скрещиванию различных видов растений. Точно так же в тексте описывается система прививки деревьев, поэтому мы считаем выражение в данном контексте нейтральным. Хотя название статьи имеет юмористический оттенок, мы не находим в тексте попытки высмеять заслуги Мичурина или прямой иронии. В следующей статье можно с самого начала отметить негативное отношение к Мичурину.

Название *«Циолковский оказался Мичуриным»* (Соколов-Митрич, 2002) ставит на один уровень обоих известных ученых, но уже с первых строк становится ясно, что сравнения из названия не несут положительной коннотации. Автор описывает Циолковского как человека, который отбирает людей и пытается вывести «сверхлюдей», автор обозначает его словосочетанием *«космический фашист»*. Сравнение с Мичуриным несет в себе очевидную негативную коннотацию, и хотя в тексте нигде не объясняется, что значит «быть Мичуриным», следовательно, автор явно опирается на знания читателя. Помимо общеизвестной информации о неудачных экспериментах селекционера, он также приравнивает его к Циолковскому, в психическом здоровье которого автор сомневается. Следующая статья, посвященная Мичурину, представляет собой юмористический очерк из жизни современной России. Герой текста *«Психиатрия недели. Мичурина лечить не будут!»* (Туманов, 2003) – психически больной пациент, страдающий от навязчивого представления о том, что он агроном Мичурин. В качестве доказательства он выращивает отличные плоды в больничном саду. Короткая анекдотическая статья не дает оценки личности Мичурина, но опирается на знания читателя и никак дополнительно не характеризует садовода, что наглядно свидетельствует о глубоком укоренении этого образа в коллективной памяти россиян. Имя И. Мичурина было обнаружено и в тексте *«Карло Михайлович Фрейд, или С приветом от Мичурина»* (Пешкова, 2010), посвященном современному театру, точнее, постановке по мотивам творчества М. Шишкина. Поскольку это инсценировка является сложной с точки зрения поэтики прозы, автор пишет: *«Гибрида прозы с пьесой, строго говоря, не получилось. Просто к стволу груши привили ветку яблони. Дерево – одно, плоды – разные. И зреют они каждый сам по себе. ... Дедушке Мичурину такое и не снилось!»* Автор снова упоминает имя Мичурина в ироническом контексте: он говорит об объединении несовместимого. Следующий текст с заголовком *«Сам себе Мичурин»* (Мозговая, 2015) напрямую касается области, в которой Мичурин реализовал себя – садоводства и огородничества. Уже сама тема дает нам подсказку, что имя Мичурина, вероятно, будет использовано в нейтральном контексте, поскольку главный вопрос всего текста заключается в том, где садоводы должны получать семена для посадки. Автор приводит советы различных садоводов, один из них даже упоминает суеверия, связанные с украденными семенами. Говоря об этих суевериях, а также раздавая советы, автор заявляет: *«в „огородной теме“ столько хитростей-мудростей, столько загадочного! Тут*

настоящий Мичурин требуется, чтобы во всем разобраться...». Поскольку имя Мичурина связано с вышеуказанным суеверием, а не с полезными советами, мы рассматриваем упоминание его имени как облегчительный элемент с тонким оттенком доброго юмора: имя Мичурина используется здесь скорее в нейтральном или положительном контексте. Последняя проанализированная статья переносит читателя в музей Мичурина, который находится в его доме. Текст «*В гостях у Мичурина*» (Мусиенко, 2016) был опубликован в рамках проекта «Музеи России» и носит отчетливо описательный характер. В статье описан вход в музей, оборудование и выставленные экспонаты. Автор воздерживается от собственных комментариев, но мы все же можем найти оценочные части текста. В качестве характеристики Мичурина автором используются следующие выражения: *выдающийся учёный-естествоиспытатель; основоположник научной селекции сельскохозяйственных растений; дорожил буквально каждой минутой – только шесть часов в сутки он отдавал сну; до последних дней продолжал работать*. В тексте нет и намека на иронию, автор ценит Мичурина как одного из важнейших ученых. В тексте мы также находим отсылку к советской власти, которая всячески поддерживала Мичурина: «*На стене-портрет Владимира Ильича Ленина. Иван Владимирович был очень благодарен великому вождю пролетариата, который в тяжёлые для страны годы Гражданской войны и разрухи сумел оценить подвижнический труд провинциального исследователя и создал все условия для продолжения его работы*». Текст похож на догматическое изображение Мичурина советского периода, в нем нет никаких признаков высмеивания работы ученого; и столь же благосклонно автор смотрит на советскую власть. Таким образом, мы рассматриваем этот текст как один из примеров обращения настроений в обществе к прошлому или к ностальгии по Советскому Союзу.

Краткое исследование прессы прошлых эпох позволяет нам продемонстрировать, как складывался образ героев с течением времени. Мы попытались разделить анализируемые статьи на три категории: позитивные, негативные и нейтральные. В таблицах ниже показано количество статей в каждой категории. Однако следует отметить, что категорию не всегда можно было определить однозначно, поэтому статьи, которые пытались изобразить героя в более широком контексте, мы отнесли к категории нейтральных, так как они в основном содержали как негативную, так и позитивную информацию о герое.

1. Мичурин

Общее количество текстов	Нейтральные	Позитивные	Негативные
17	5	7	5

2. Морозов

Общее количество текстов	Нейтральные	Позитивные	Негативные
19	7	4	8

Уже на основе простых количественных сравнений мы видим, что Иван Мичурин чаще всего изображался как положительный персонаж, в то время как противоречивый П. Морозов был чаще всего изображен негативно. Для того, чтобы легче проиллюстрировать развитие образа героев во времени, мы использовали метод отображения на графике, при этом 1 = отрицательная оценка, 2 = нейтральная оценка, 3 = положительная оценка.

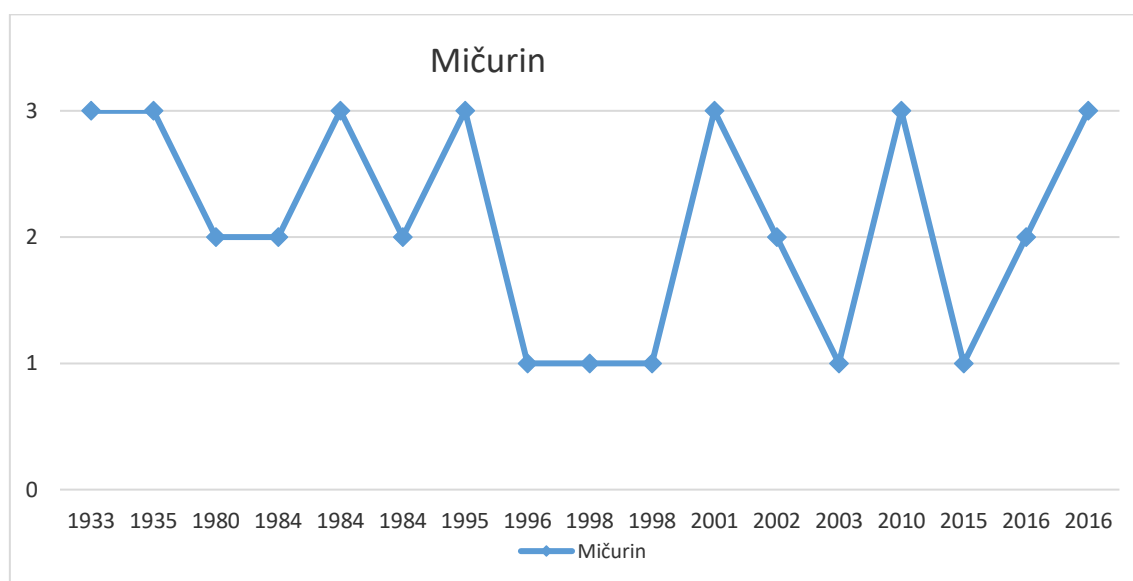

График № 4

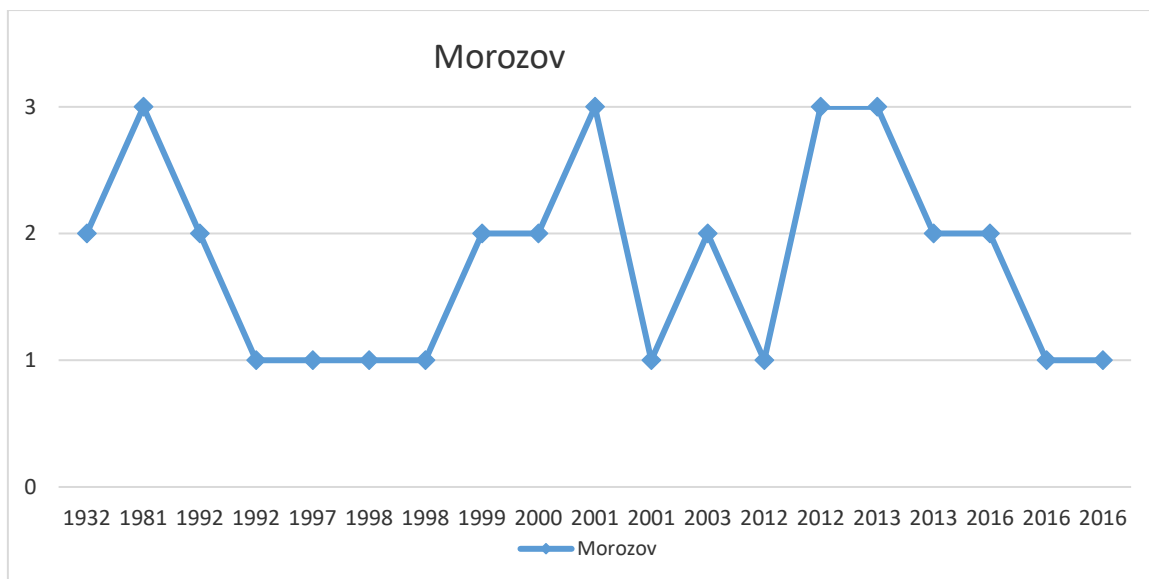

График № 5

Наше исследование показало, что характер героев легко моделируется и что образ героя может претерпевать значительные изменения на фоне общественных изменений. В то время как изначально советские герои моделировались как гении или примеры для других жителей СССР и дружественных стран, постепенно пафос вокруг их фигуры исчезал, имела место и демифологизация их образов. Однако впоследствии, с началом нового тысячелетия, мы наблюдаем тенденцию переосмысления отношения к образу, а, следовательно, и к прошлому, причем мы обнаруживаем разное отношение к данным героям, что может свидетельствовать о плюрализме взглядов. Но основная тенденция указывает на то, что российское общество уже более благосклонно относится к советским героям, пытается взглянуть на них комплексно и не создавать вокруг них никаких мифов подобных тем, которые создавались в прошлом.

II.3 Советская женщина-героиня в постсоветский период

С изменением культурной парадигмы изменилось и положение женщин в обществе, и они также стали неотъемлемой частью культа советского героизма. Мы исходим из предположения, что женщины в обществе также должны были служить образцовыми примерами в моделировании нового типа советских граждан. Революция 1917 года привела ко многим изменениям в положении и восприятии женщин: традиционные гендерные роли

начали трансформироваться. Попытка большевиков изменить устоявшиеся роли женщин и мужчин сразу после революции символизировала переворот даже в такой традиционной сфере, как семья. Революция хотела доказать свое превосходство над личной жизнью советских людей и заставить их сделать своей главной целью служение Коммунистической партии и коллективу, а не «эгоистичные» отношения между мужчинами и женщинами или семейные отношения. Но еще ранее женщины стали катализатором важнейших социальных изменений, которые помогли будущей революции. 23 февраля (8 марта) 1917 года женщины Петрограда собрались в огромную толпу, которая требовала мира и хлеба для русских рабочих. В демонстрации приняли участие не только революционные рабочие или суфражистки, но и обычные домохозяйки, которые хотели прокормить свои семьи. Все больше и больше рабочих присоединялось к протестующим, и после того, как царская полиция отказалась стрелять в людей, царская система начала очень быстро разрушаться. Результатом забастовок стало отречение от престола царя Николая II, что открыло дверь к еще большей эмансипации женщин. В июне 1917 года женщины получили равный статус в обществе: они могли занимать судебные должности или преподавать, они также получили избирательное право. Со все громче заявляющими о своих правах и выражающими свое мнение женщинами большевикам пришлось безоговорочно считаться.

Был сформирован комитет трудящихся женщин, агитацией среди женщин занялся журнал «Работница», который начал выходить еще в 1914 году, и таким образом большевики все чаще стали нацеливать пропаганду на женщин из низших слоев общества. Однако во время хаоса, вызванного Октябрьской революцией, вопросу о статусе женщин не уделялось особого внимания. Тенденция продолжилась и во время гражданской войны: около 60 000 женщин добровольно приняли участие в войне на стороне сторонников революции, большинство из них работало в полевых лазаретах. За пределами фронта начал возникать вопрос об «освобождении женщин»: дореволюционный феминизм хоть и осуждался как буржуазный, но марксистский взгляд на эту тему стал частью официального дискурса. Большевики призывали к освобождению женщин путем предоставления платных бытовых услуг, которые позволили бы женщине участвовать в производственном процессе на фабриках в рабочих или других профессиях. В Советском Союзе был принят ряд прогрессивных законов в области прав женщин и брака: он сделал мужчин и женщин равноправными, позволил супружеским парам выбирать фамилию мужа или жены, браки

стали гражданским и заключались только в загсах, гарантировал равные права для брачных и внебрачных детей, значительно упростил процедуру развода, ввел оплачиваемый отпуск по беременности и родам, легализовал аборт, ввел равную оплату за равный труд для обоих полов. Фактом остается то, что власти уделяли значительно больше внимания роли женщин, чем подчеркиванию роли мужчин. Антиас и Юваль-Дэвис утверждают, что это было сделано не из чистого альтруизма, чтобы облегчить жизнь женщинам, большевики поняли, что «производство» новых поколений коммунистов находилось в руках женщин (Ashwin, 2000, с. 3). С Октябрьской революцией на первый план также вышли большевички, которые были вовлечены в партию задолго до революции. Накануне революции женщины, по некоторым данным, составляли 10 процентов членской базы большевиков (Clements, 1997, с. 1).

Б. Клементс предполагает, что самыми известными женщинами и борцами из старейшего поколения большевиков в России и в мире, вероятно, являются Надежда Крупская и Александра Коллонтай. Первая из них прославилась как жена В. И. Ленина, вторая была первой женщиной-министром в первом советском правительстве. Однако взгляд на словацкие СМИ не подтверждает тезиса об их всемирной известности: старшему поколению большевиков уделяется очень мало внимания. А. Коллонтай мы ни разу не нашли в текстах словацких журналистов, она полностью исчезла из поля зрения СМИ. Эта ситуация легко объяснима, так как она не оставила значительного следа в чехословацкой политической жизни. Вторая известная большевичка, Н. Крупская, уже чаще появляется в медиатекстах, хотя даже она не может конкурировать с похожими героями-мужчинами, как например с И. Мичуриным. Мы обнаружили ее имя в нескольких (точнее, семи) текстах (за весь период доступности онлайн-архива ежедневных газет Sme и Pravda): это был, например, блог, посвященный педагогическим наукам, и Крупская упоминалась в нем как педагог, пропагандирующий социалистический подход в воспитании молодежи (Olejár, blog.sme.sk). Другие тексты упоминали Н. Крупскую в разных контекстах. В первом ее упоминает племянница Ленина (Drábek, 2005) и говорит о ней как «о любимой тете». Текст в принципе не оценивает политическое влияние Крупской, описывая ее исключительно положительно. Во второй статье (Latta, 2009) Надежда Константиновна упоминается в качестве возможного владельца авторских прав на красную звезду или другие революционные символы. Ее имя упоминается в юмористически-абсурдной ситуации и

через нее автор указывает на события в современной Украине. В тексте *«Ленин все еще остается иконой в родном городе»* (ЧТК, 2012) директор музея Ленина вспоминает Крупскую как сильную женщину, которая смогла заставить Ленина прекратить роман с Инессой Арманд. В статье 2013 года под названием *«Год 1913 подходил к концу, и никто не думал о войне»* (Янсуга, 2013) автор с ностальгией возвращается в начало XX века и описывает ситуацию того времени на фоне текстов Стефана Цвейга. Он говорит, что именно в тот год в Краковской эмиграции был В. И. Ленин с женой, Надеждой Крупской, с которой он также совершил поездку в Высокие Татры. Крупская выступает здесь только как его спутница, и к ее описанию не относится никакая оценочная позиция. По случаю 90-й годовщины со дня смерти Ленина была опубликована статья под названием *«Ленин умер, чтобы стать Богом большевиков»* (Янсуга, 2014), в которой упоминается Крупская как противник бальзамирования тела Ленина. Опять же мы находим ее имя в абсолютно нейтральном контексте, только как жену лидера революции. В последнем тексте (ЧТК, 2014) сообщается о переименовании киевских улиц и о том, что улица Крупской будет переименована в улицу Павла Чубинского. Несмотря на то, что речь идет о «сведении счетов» с прошлым, сама Крупская не упоминается в статье ни как героиня, ни как носитель негативных коннотаций, связанных со старым режимом.

При более глубоком рассмотрении положения первых советских женщин-героинь у читателя может сложиться впечатление, что героинями они вовсе не были, но оказались лишь в определенное время в определенном месте, что и обусловило их связь с советской властью. Несмотря на то, что Л. Гузи говорит, что «в сфере массовой коммуникации широко распространен феномен использования советизмов в функции оценочного, в основном, негативного элемента», в словацком медиадискурсе это не относится к советским героиням. Для сравнения мы искали эти же имена в средствах массовой информации, выходящих в России на протяжении последних пяти лет. Отрывков с именами упомянутых героинь мы нашли несоизмеримо больше, но многие из них содержат искомое имя в совершенно другом контексте: либо в названии улицы (например Улица А. Коллонтай), либо при упоминании тезки анализируемого нами персонажа. Имя А. Коллонтай мы нашли в нескольких статьях, где оно появляется в оценочной функции: в тексте *«Коллонтай и не снилось»* (Снегирев, 2013) автор описывает ситуацию в Швеции, места дипломатической работы Коллонтай, где проходили протесты мигрантов. Помимо протестов, он упоминает личные впечатления от

поездки и необычные предложения в шведском парламенте, например, законопроект о легализации инцеста. Автор законопроекта характеризуется следующим образом: *Коллонтай какая-то! Бр-р-р!*. Четко выражая оценочную функцию, автор указывает на симпатию Коллонтай к свободной любви. Однако имя никак не связано с советским прошлым, автор скорее указывает на раскрепощенный способ отношений мужчины и женщины, на котором настаивала А. Коллонтай. В СМИ появились даже статьи, упоминающие 140-ю годовщину ее рождения. В одном из них (Оберемко, 2012) Коллонтай характеризуется следующим образом: «...валькирию революции. Да ещё и напишетopus под названием „Дорогу крылатому Эросу“!» Автор еще раз напоминает о ее взглядах на любовь и называет ее решительным и опасным борцом. Однако вся статья посвящена ее конкретным любовным похождениям, и поэтому, вопреки ожиданиям, мы снова находим не советскую героиню, а женщину, охваченную эмоциями. В следующем тексте Коллонтай также представлена только через ее либеральные взгляды на любовь. В статье «*Лилия и Вера: двойной портрет*» (Безелянски, 2012) автор описывает Лилию Брик, высказываясь по поводу ее отношении: «*То есть любовная связь – это пустяк, но не какой-то стакан воды, о котором твердила сторонница свободной любви Александра Коллонтай: стакан воды – это прозаично, а вот бокал шампанского – это с превеликим удовольствием!*» Таким образом, в очередной раз подтвердилось, что Александра Коллонтай остается в сознании российского читателя, скорее, сторонницей свободной любви, чем советской героиней.

Взгляд на пять статей последнего периода, посвященных Надежде Крупской, отобранных на основе оценки актуальности в базе данных EastView, также приводит к интересным выводам. В первой проанализированной статье (Богомолов, 2012) мы видим Крупскую в позиции жены Ленина, которая вступила в конфликт со Сталиным из-за внебрачных приключений Ильича. Автор, после словесной перепалки между Крупской и Сталиным, описывает ситуацию следующим образом: «...чрезвычайно взволновал Крупскую, нервы которой были натянуты до предела, она была не похожа на себя, рыдала». Крупская описывается здесь как эмоциональная жена, а не как коммунист или героиня своего времени. Точно так же название следующего текста говорит о том, что речь снова пойдет о любви: «*Ещё раз про любовь. Ленин, Крупская, Арманд*» (Ковалева, 2015). Речь идет об интервью с итальянским журналистом, который написал книгу как раз об отношениях между Лениным, Крупской и Арманд. Автор характеризует Крупскую как женщину,

которая *«...страдает из-за этой любви. ... Крупская смиренно принимает эту ситуацию. Она очень любила Ленина, заботилась о его счастье»*. На протяжении всей статьи ни слова не говорится о ее политической или педагогической деятельности, она снова упоминается «только» как жена Ленина. Текст *«Крупская держала в своей комнате фотографию любовницы Ленина»* (Кривякина, 2014) посвящен 145-летию со дня рождения Крупской, но также в большей степени посвящен ее личной жизни. В тексте, хоть он и относится к постсоветскому периоду, нет никаких признаков демифологизации, совсем наоборот. Крупская изображается в крайне положительном свете, автор пишет о ней: *«А между тем Крупская была не просто идеальной женой, а мудрейшей женщиной, оказавшейся способной удержать на „коротком поводке“ вождя мирового пролетариата»*. В этом тексте мы также нашли ее профессиональную характеристику: *«У нее были собственные взгляды и интересы, она занималась теоретической и педагогической работой, причем это замечательные труды, которые сейчас стоит тщательно изучать»*. В исследованном отрывке мы впервые видим Крупскую как самостоятельную личность, не только как жену великого революционера. Но уже следующий текст снова указывает на отношения Крупской и Ленина: *«Обручальные кольца Ленин и Крупская надели всего раз»* (Кривякина, 2014). В нем рассказывается о выставке, которая показывает истинное лицо советских лидеров Ленина и Сталина. В целях их демифологизировать также выставлены обручальные кольца Ленина и Крупской: *«На пальцах они были один раз – во время венчания революционеров в церкви»*. Автор указывает на непостижимый парадокс: лидер мирового пролетариата венчался в церкви. Хотя эта информация интересна, о Надежде мы из текста больше не узнаем, она снова остается в тени своего знаменитого мужа. Последняя из статей – это короткий репортаж из Музея Ленина в Горках, где можно узнать много интересного не только о нем, но и о членах его семьи, в частности, о том, *«что Надежда Крупская ходила в золотых ботинках»* (Гамов, Дятлов, 2013). В тексте мы снова видим типичные попытки постсоветского периода демифологизировать символы прежнего режима.

Из проанализированных отрывков, посвященных первым значительным представительницам советской власти, мы пришли к выводу, что в современном дискурсе они функционируют, скорее, как исторические личности, а не как прототипы женщин-героинь. Они рассматриваются через призму их любовных скандалов или отношений, а их конкретная политическая или социальная работа отступает на второй план или даже

полностью исчезает. Мы предполагаем, что в первый период строительства социализма в центре внимания была масса героев-мужчин, и места для женщин-героинь этого периода в обществе больше не оставалось. Поэтому мы решили проанализировать образ другой женщины, которая, однако, прославилась в более поздний период – во времена Великой отечественной войны.

Зоя Космодемьянская известна как партизанка и была прототипом военной героини. Восемнадцатилетняя комсомолка Зоя присоединилась к партизанам в 1941 году, но немцы поймали ее во время выполнения приказа – поджога конюшни. Впоследствии Зою пытали и публично казнили, и она, находясь на месте казни, призывала людей к борьбе. Эта история стала темой нескольких фильмов (последний вышел в прокат в 2020 году) и превратилась в пример для молодых коммунистов, а сама она стала «светской святой» (Alpern Engel, 2004, с. 221). Именно с этой метафорой мы сталкиваемся в тексте *«Зоя Космодемьянская»* (Артемьев, 2016), в котором автор создает новый гибридный образ Зои, объединяя образ коммуниста и святого в одно целое. Статья посвящена 75-й годовщине смерти героини и репортаж передает впечатления от вечера воспоминаний в музее Зои. Автор никоим образом не пытается демифологизировать ее образ, он передает слова председателя Российского военно-исторического общества, который говорит: *«Плохо то, что память о подвиге наших героев стирается. ... Мы должны проложить маршруты славы по тем местам, где погибали наши герои, но отстояли право будущих поколений на жизнь»*. В его словах мы также находим сходство комсомолки со святой, ее страданий с крестным путем: *«В наших православных традициях мы чтим подвиги святых. ... Но мы должны сохранять память и о героях, отдавших свои жизни за нашу Родину. Путь Зои от дома, где ее пытали, – Крестный путь»*. И поэтому министр культуры, пришедший на мероприятие, говорит: *«Это место – наша Голгофа. ... Зоя Космодемьянская – наша святая»*. Он также использует библейскую параллель, отвергая попытки демифологизировать ее персонаж: *«Ставить ее подвиг под сомнение – значит поступать как тот полицейский, который отдал ее немцам. И даже не за 30 серебряников – практичные немцы ограничились бутылкой самогона»*. Весь текст звучит как ода героизму молодой комсомолки, укрепление ее культа и отказ от какого-либо переосмысления ее поступков. Аналогично звучит текст *«Зоя Космодемьянская: правда против лжи»* (2015), в котором рассказывается об одноименной книге и дается ее аннотация, в которой автор резко нападает на попытки уничтожить культ. О советских

героях и о Зое он говорит отдельно: *«Среди самых святых для нашего народа имён в пантеоне героев и мучеников, завоевавших 70 лет назад Великую Победу над злейшими врагами Родины, особое место принадлежит Зое Космодемьянской»*. Наблюдается заметное усилие, чтобы вновь сохранить культ героини, несмотря на голоса, которые ставят под вопрос ее героическую историю. И следующая статья (Бойко, 2016) приводит стенограмму выступления министра культуры по случаю 75-летия с дня героической гибели Зои. Министр говорит: *«У нас „Спаси рядового Райана“ есть, но никто не пытается спасти разведчицу Космодемьянскую. Она же святая, такая же святая, как 28 героев-панфиловцев. И относиться к ее жизни можно только как к житию святых. Российской аудитории не хватает кинофильма о Зое»*. В очередной раз мы сталкиваемся с патетическим изображением героизма и приравниванием комсомолки к святой. В следующей статье (Кожемяко, 2015) мы возвращаемся к книге, посвященной Зое, причем «Правда», публикует вступительное слово автора этой книги. Но прямо во введении автора, перед началом отрывка из книги, мы узнаем, что книга посвящена *«славной дочери советского народа»*. Также автор книги в предисловии не скупится на похвалы, он говорит о Зое как об *«одной из самых любимых героинь»* и о том, что она *«совершила подвиг бессмертия»*. Он также характеризует героев войны следующими словами: *«имена героев продолжавшейся войны становились священными для пионеров и комсомольцев. ... Герои той войны, как звёзды, сияли в душах моего поколения. Они были с нами всегда»*. В тексте автор дает нам четкое представление о своем мировоззрении, демонстрирует свою решительную позицию по конфликту в Украине и распаду Советского Союза. Поэтому неудивительно, что он прославляет советскую героиню Зою – довольно интересно, что тексты, некритически прославляющие Советский Союз, все еще появляются в прессе. Только в последней проанализированной статье *«Два лица Зои Космодемьянской»* (Богомолов, 2013), появляется попытка демифологизировать героиню или, по крайней мере, показать, что Зоя тоже была обычной девушкой. Об отношении к Зое во времена СССР автор пишет: *«Но ее официальная биография полна пробелов. Жизнь героя сильно отредактировали, оставив за кадром неудобные моменты»*. После распада СССР стали появляться документы, которые показывают многие мифы о героях в настоящем свете, например, миф о том, что Зоя отправила приветствие Сталину прямо на месте казни. Были также дискуссии о психическом здоровье советской героини, некоторые даже говорят о

шизофрении. Но автор заканчивает статью строго, говоря, что Зое удалось пережить нацистские пытки перед казнью из-за высокого болевого порога, добавив, что *«значения ее подвига это, конечно, не уменьшает»*. Из проанализированных текстов кажется, что именно Космодемьянская, пожалуй, первая настоящая героиня советской эпохи. По сей день ее героическая смерть вызывает восхищение, и российские СМИ именно Космодемьянскую до сих пор используют в качестве примера героизма, даже объявляя ее святой. Таким образом, в то время как женщины, занимающиеся политикой, потеряли свой статус и считаются только историческими фигурами, а не героями, Зоя все еще остается знаменитой, и даже попытки взглянуть на ее личность с нескольких точек зрения не увенчались успехом.

Последняя женщина, упоминания о которой мы искали, – это первая женщина-космонавт и десятый человек в космосе, героиня космических полетов, Валентина Терешкова. В отличие от вышеупомянутых женщин, Терешкова все еще жива и даже политически активна, что обещает интересные результаты и возможные переосмысления ее достижений. Самый первый текст (Вяхирев, 2015), в котором фигурирует имя Валентины, посвящен теме декоммунизации в Украине, где был опубликован список имен, подлежащих удалению из топонимических названий. Автор относится к списку иронично, указывая в тексте причину, по которой в нем также появилась Терешкова: *«Принимала участие в событиях оккупации Крыма Россией в 2014 году»*. Хотя автор приводит официальную причину, весь текст носит негативный характер, и становится ясно, что автор отвергает и данное заявление, и все усилия по декоммунизации Украины. Примечательно, что Терешкова изображена исключительно в свете ее нынешней деятельности. Таким образом, мы встречаем положительный образ Терешковой у автора, хотя ее героизм никак не подчеркивается.

Также и статья под названием *«Кто такая Валентина Терешкова?»* (Чемерский, 2016) говорит о ней в негероическом контексте. Автор рассказывает об огромной бюрократии в российском образовании и его низком качестве. В конце приводится пример: *«Мой товарищ недавно посоветовал мне спросить у студентов, кто такая Валентина Терешкова. Он уверил меня, что ответ будет – артистка. На следующий день я задал такой вопрос одной из студенток – будущему коррекционному педагогу начальных классов. Каково же было мое изумление, когда я действительно услышал в ответ: „артистка“»*. Таким образом, мы не встречаем Терешкову как классическую советскую героиню, но, тем

не менее, через ее характер представлены неудачи российского образования и, косвенно, положительные результаты советского образования и науки.

Схожее с предыдущей статьей содержание мы находим в другом проанализированном тексте, который носит название *«Терешкова спела с Кобзоном в честь Добронравова»* (Федоткина, 2013). Опять же в нем Терешкова не выделяется как героиня, но упоминается наряду с другими фигурами, связанными с бывшим СССР. Уже в следующем тексте, интервью с Терешковой (Маслова, 2015), мы сталкиваемся с довольно пафосным описанием ее личности: *«Украсила собой форум живая легенда – наша гордость, первая в мире женщина-космонавт Герой Советского Союза генерал Валентина Терешкова. Истинная дочь своего народа»*. Впервые мы встречаем описание Терешковой как национальной героини. Сходным образом в последнем тексте (Кравцун, 2016) Валентина выступает как женщина-героиня, первая космонавт. Директор Лондонского музея науки в интервью, данном по случаю проведения выставки *«Космос: рождение новой эры»* в Москве, говорит: *«Люди очарованы тем фактом, что история российских космических программ зародилась в СССР, а затем перешла прямиком в XXI век. А такие личности: Гагарин, Терешкова, Леонов, Королев – это истории потрясающих людей, эти истории хотят услышать даже больше, чем техническое описание экспонатов»*. Мы встречаем Терешкову как символ героизма, и она входит в число самых выдающихся деятелей эпохи покорения космоса.

В целом можно сказать, что Терешкова сегодня скорее воспринимается как некий символ прежнего режима, и что ее нынешняя политическая деятельность не способствует образу героини в традиционном смысле этого слова. В словацких СМИ Валентина Терешкова появляется лишь эпизодически и в основном воспринимается как историческая фигура и первопроходчица космонавтики. В первой проанализированной статье (TASR, 2012) подчеркиваются заслуги Валентины и описывается ее полет в космос. Автор подчеркивает, каких наград она была удостоена, в том числе приводит и тот факт, что *«в 2000 году ей было присвоено звание „женщина века“ в столице Великобритании – Лондоне»*. Текст не пытается демифологизировать или замалчивать ее достоинства, Валентина изображена в позитивном свете. Это также относится к статье *«Терешкова: в настоящее время в космос должны летать только профессионалы»* (ЧТК, 2013), в которой автор цитирует мнение космонавта, говорящие не в пользу космических туристов. Здесь

Терешкова изображается как специалист в своей области, и хотя автор пишет о ней тоже как *о бывшем национальном герое*, также подчеркивает ее решимость, цитируя ее заявление о том, что она *«готова полететь на Марс в одиночку, даже если это будет путешествие без возврата»*. В следующем тексте (Drábek, 2013) мы видим попытку объективности, когда узнаем из нее о трудностях в подготовке будущего космонавта и о прагматичном отборе женщины, которая в итоге полетела в космос. Уже само название говорит о том, что автор будет излагать взгляды на этот вопрос с разных сторон: *«Первая космонавт была лучшая. На земле»*. Автор говорит, что, хотя конкуренты ее превосходили во многих других аспектах, *«никто из них не может соперничать с ней в способности влиять на массы, в получении сочувствия и в поведении на публике»*. По поводу ее личности высказался и фотокорреспондент ТАСС, заявив: *«что бы кто ни говорил сегодня, это был геройский поступок»*. Текст в целом звучит положительно, даже автор в итоге также апеллирует к чувствам, когда говорит, что *«ее главная радость – это внуки, семнадцатилетний Алексей и девятилетний Андрей»*. Текст пытается изобразить Терешкову как настоящую женщину, отбрасывая героический пафос, а также указывая на плюсы и минусы этого значимого человека. Еще один текст (СИТА, 2013) описывает решимость Терешковой, говорит, что она готова вознести олимпийский огонь в космос, но не обсуждает ее героизм времен СССР. И так же и последняя статья (ИК, 2014) в большей степени посвящена четвертому российскому космонавту-женщине в истории, и автор характеризует ее известным прецедентным именем: *Россия в восторге от Терешковой номер 4*. В данном случае мы сталкиваемся с использованием прецедентного имени, когда все остальные российские женщины-космонавты считаются преемниками Терешковой.

В рамках короткого исследования роли героинь-женщин в медийном дискурсе мы пришли к интересному выводу: хотя героини-мужчины советского периода встречаются в дискурсе довольно часто и это героини разных периодов существования СССР, среди героинь-женщин ситуация не такая однозначная. Создается впечатление, что на героический пьедестал поднялись только женщины из того периода, когда страна явно нуждалась в положительных образцах для подражания, то есть в нашем случае в период Великой Отечественной войны. Женщины более раннего периода изображаются, скорее, как исторические личности, но им не приписываются героические черты, хотя они выступают в дискурсе в качестве прецедентных явлений. Новые героини, примером которых является

В. Терешкова, теряют свою героическую ауру, и их оценивают больше на основе их текущих, в случае Терешковой и политических, действий. В целом, очевидно, что женцингероинь значительно меньше, и средства массовой информации также работают с их образами меньше, чем с героями-мужчинами.

II.4 Реинтерпретация изречений Ленина

Специфическим аспектом трансформации советских героев является анализ их «наследия», другими словами, изучение корпуса материалов периодической печати с точки зрения использования крылатых выражений и фраз советского периода в современном медийном дискурсе, их текущего употребления, семантических сдвигов и ассоциаций, которые вызывает данное выражение сегодня.

Само собой разумеется, что в прошлом крылатые выражения использовались почти каждый день и стали неотъемлемым элементом инструментария тогдашних журналистов – это было буквально обязанностью время от времени цитировать изречения Ленина или другого выдающегося деятеля. Таким образом, в дискурсе возникли стилистически окрашенные, часто повторяющиеся выражения, профанированные частым употреблением. Основные выражения включали в себя многие высказывания В. И. Ленина, например, *Власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным, Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны* или *Что делать*. Высказывания Владимира Ильича часто использовались уже при его жизни, а сразу после его смерти журналисты напоминали о его умении кратко, лаконично и точно называть вещи: *«Да, и шутка, и афоризм, и окрик, и характеристика у Ильича всегда поражали меткостью, прямоотой и остроумием»*. Поэтому неудивительно, что именно журналисты очень часто использовали его высказывания. Чтобы проиллюстрировать использование крылатого изречения Ленина времен советской эпохи, мы выбрали выражение «догнать и перегнать», которое мы обнаружили в нескольких фрагментах дискурса. Одним из них также является статья из журнала «Работница» с названием *«Догоняй и обгоняй в действии»* (Работница, 1931). Лозунг «догнать и перегнать» используется в тексте в прямом значении: в нем сравниваются экономические результаты СССР и США. Автор о гонке с США пишет: *«Перестройка завода длилась всего два года: срок невиданный для капиталистической Америки с ее развитой техникой. ... Американскими заводами были достигнуты те же*

результаты только за четверть века. ... В десять лет мы добьемся того, чего Америка добивалась около ста лет».

В рамках нашего исследования крылатых выражений в современном дискурсе, которое мы представляем ниже, мы часто сталкиваемся с советскими выражениями, употребляемыми иронически. Выражение «догнать и перегнать» не является исключением, но иногда мы также сталкиваемся со статьями, в которых оно используется в прямом смысле. Однако следует понимать, что с изменением реалий, употребление крылатого выражения связывается с новыми понятиями, примером может служить статья «*Догнать и перегнать 4G*» (Николаев, Воронина, 2016), в которой автор рассказывает о рейтинге стран, составленном по скорости интернета 4G. Хотя это также соперничество между странами, оно не имеет прямого отношения к экономической гонке с США, как это было при советском режиме. Но поскольку соревноваться можно на разных фронтах, мы также нашли искомое выражение в явно юмористической статье под названием «*Догнать и перегнать Америку!*» (Пандорин, 2012) в которой автор включил некогда серьезное выражение в совершенно другой контекст: он говорит о победе русских мужчин над американцами в измерении мужского «достоинства»: «*Мы все-таки достали и обогнали Америку, да еще по такому важному показателю!*» Рассматриваемый текст ясно указывает на потерю серьезности советских выражений в обществе и их перемещение в стилистически маркированную, разговорную, юмористическую группу.

Из крылатых выражений советской эпохи, в рамках более глубокого анализа современной российской прессы, мы выделили выражения Ленина «Великий почин» = рабочие субботы (см. также Серов, 2005); и «Ум, честь и совесть нашей эпохи» = Коммунистическая партия (см. также: Серов, 2005). Эти термины были найдены в статьях, опубликованных в 2010-2013 годах в интернет-изданиях популярных газет и еженедельников: *Советская Россия* (доступно по адресу: <http://www.sovross.ru/>), *Известия* (доступно по адресу: <http://izvestia.ru/>), *Аргументы и факты* (доступны по адресу: <http://www.aif.ru/>), *Новая газета* (доступно по адресу: <http://www.novayagazeta.ru/>).

В анализируемых периодических изданиях с помощью поисковой системы мы нашли статьи, в которых находились изучаемые выражения и которые были опубликованы в период с 2010 по 2013 год. Однако следует отметить, что в процессе поиска также могли возникнуть отклонения из-за ненадежности поисковой системы в Интернете или человеческого фактора.

Первое периодическое издание – «Советская Россия» – обещало широкий спектр использования исканных выражений. Удивительно, однако, что в нем мы не нашли заметно большего количества примеров, чем в других периодических изданиях.

Устойчивое словосочетание «великий почин», появилось в тексте под названием *«Когда уляжется пыль ... или Прощай, курорт Сочи!»* (2013). В статье рассказывается о городе Сочи, целебных источниках и выдающихся деятелях, которые лечились на курорте: *«В списках пациентов Мацесты значится немало исторических личностей. Прежде всего – Сталин»*. Интересно, что это выражение употребляется в связи с именем Сталина. Автор описывает строительство санатория московских железнодорожников, на которое также приехал посмотреть Сталин. *«Осмотрев здание, Иосиф Виссарионович довольно заметил: „Это хорошо, что московские железнодорожники заботятся о здоровье своих работников. Похвально, что и в этом важном деле они сделали Великий почин“»*. В приведенном выше предложении это крылатое выражение употреблено в первоначальном смысле – начало чего-то великого и благотворного – в данном случае заботы о здоровье работников железной дороги. Но уже в следующем предложении автор опять употребляет слово «почин» в совершенно противоположном смысле: *«Теперь глава РЖД Дмитрий Якунин отличился другим почином: он сумел добиться приватизации зданий вокзалов и привокзальных территорий, и на месте круглого навильона на знаменитой привокзальной площади Сочи его сын строит огромное здание-комод новой гостиницы, уродующей вид ворот курорта»*. Это уже не начало чего-то общественно полезного, а приватизация, которая, по мнению автора, не состоялась законным путем. В двух предложениях одной статьи мы находим пример использования известного выражения в первичном значении и в то же время его отрицания. Из приведенного следует, что в рамках отношения к социалистическому прошлому выражение используется в положительном смысле, в нынешнем контексте он используется довольно иронично – «великий почин» приписывается олигархам и мошенникам.

Вторая анализируемая статья носит название *«Без крыльев-без щита – Защищают ли нас кадеты?»* (Подольских, 2009). В ней автор обсуждает закрытие военной академии и замену ее военным училищем, которое, хоть и принадлежит Министерству обороны, но в нем *«можно будет наблюдать процесс демилитаризации»*. Новую школу, которая несет гордое определение «президентская», пришел открывать президент Медведев. Автор по

поводу открывающейся школы говорит следующее: *«Почин, безусловно, настолько великий и полезный, что встретит единодушную поддержку во всех городах, селах и деревнях»*. Статья в общем звучит иронически и искомое выражение также используется иронически. В очередной раз подтвердилось, что данное советское выражение употребляется в ироническом смысле в контексте настоящего и вступает в конфронтацию с прошлым.

Мы попытались найти то же выражение в периодическом издании «Известия» и нашли его в статье *«Великий коммерческий почин»* (Бовт, 2009). Крылатое выражение «великий почин» встречается уже в названии. Однако это не выражение в чистом виде, а его модификация и в то же время актуализация. Содержание статьи состоит из размышлений автора о взимании платы за определенные государственные услуги и, как следствие, о снижении уровня коррупции. Автор положительно отзывается о введении сборов в Федеральной миграционной службе за ускоренную выдачу паспорта и аналогичные акты. Он заявляет, что благодаря этому шагу гражданам больше не придется оформлять документы по знакомству или с помощью взяток. В то же время, однако, предпринятые шаги указывают на «легализацию» медленных бюрократических процедур, которые можно ускорить только за плату. Далее автор говорит: *«Вообще, конечно, прибегая к методам экстраполяции и легкой гиперболизации, сей великий почин, глядя на бестолковость, толчею, а порой и хамство в государственных присутственных местах, стоит распространить решительно и широко»*. Он продолжает утопическое описание функционирующих государственных институтов, где гражданам за оплату не только быстро помогут, но и обслуживать их будут вежливые чиновники. Учитывая начало статьи, искомая фраза звучит позитивно, даже в ее первоначальном значении. Но следующая часть текста имеет сильную ироничную окраску: улыбающиеся чиновники уже сами по себе являются скорее желанием, чем реальностью во многих странах, в том числе в России, а если бы они нашлись, они были бы платными. После включения выражения в текст, который говорит о финансовой прибыли, оно приобретает иронический оттенок.

То же самое выражение – «великий почин» – мы искали и в газете «Аргументы и факты». Мы обнаружили его в статье *«Суп из топора»* (Костиков, 2011), в котором автор говорит о замене политики ее имитацией. Он говорит, что политика на самом деле больше не нужна, потому что *«ударники приватизации уже достигли максимального благополучия, завершили строительство своей „вертикали“ и создали удобную для себя форму»*

демонстрационной демократии». В данном предложении приводится удачный пример ироничного использования советизма. Однако он продолжает критиковать нынешний режим, говоря, что «в последние месяцы политическая имитация выплеснулась на предвыборное поле. Вслед за Общероссийским народным фронтом и даже в насмешку над ним стали провозглашаться и другие „фронты“. Помимо зюгановского „народного ополчения“ в блогах уже фигурируют „Народный марш“, „Народное сопротивление“, „Великий почин“, „Позыв заединчиков“ и даже „Фаланги Анны Чапман“». Критикуя создание Общероссийского народного фронта, объединяющего различные организации, автор приводит примеры организаций, которые следуют за Народным фронтом, и он сам признается, что иногда эти «организации» осмеивают оригинальную идею фронта. Искомое выражение появляется здесь как пример народного интернет-творчества, сам автор признает, что оно иронично. Из вышесказанного можно предположить, что это выражение глубоко укоренилось в головах людей и, особенно в ироническом смысле, часто используется в свободной интернет-среде.

Последнее периодическое издание, к которому мы обратились, – «Новая газета» – спрятало искомое выражение в тексте *«Железнодорожная фантазия – О применении опыта „эффективного сталинского менеджмента“ в современной России»* (Орешкин, 2012). В статье автор упоминает высказывание В. В. Путина, который призывает к развитию железных дорог. Если за пять лет до этого он упоминал об импульсе к модернизации железных дорог в духе преобразований рубежа XIX и XX века, то сейчас он считает необходимым модернизационный импульс в стиле 30-х годов прошлого века. Автор на протяжении почти всей статьи проводит сопоставление статистических данных за разные периоды развития железных дорог. В статье говорится: *«Ленин тоже помогал изо всех сил. Написал замечательную статью из жизни тружеников депо про пользу бесплатного труда „Великий почин“»*. В этом выражении название произведения используется более или менее нейтрально. Но ниже мы читаем: *«Последовательно истреблял квалифицированных железнодорожников из „Викжеля“ – крупнейшего дореволюционного профсоюза, который по старой привычке пытался отстаивать интересы рабочих (а надо было – интересы рабочей власти; почувствуйте разницу). Чудаковатый „Викжель“ требовал для путейцев нормальной платы за нормальный труд вместо продвижения в их массы идей „Великого почина“»*. В этом контексте исследуемое выражение приобретает иную окраску, и его трудно

было бы назвать нейтральным, это чисто ироническое употребление.

В тех же периодических изданиях мы искали второе крылатое выражение советской эпохи – «Ум, честь и совесть». В «Советской России» в нашу подборку попала статья «*У русского народа есть право на будущее – Нравственный идеал Герцена – К 200-летию великого мыслителя*» (Кутырева, 2012). В этом тексте выражение используется непосредственно во введении. Автор говорит: «*Проблема кризиса духовности занимала лучшие умы XX века. Пора снова думать о чести и совести*». Можно было бы предположить, что слова были использованы случайным образом, но в сочетании со следующим предложением фраза, похоже, отсылает к работам других авторов, включая Ленина. «*И раньше других об этом подумал и сказал А.И. Герцен*». В статье, в которой автор в основном говорит о буржуазной морали и развитии России с точки зрения Герцена, есть слова *честь и совесть*, употребленные абсолютно нейтрально.

В «Известиях» выражение появилось в статье, посвященной 95 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Философ Сергей Роганов в тексте под названием «*Толерантность по-русски*» (Роганов, 2012) рассуждает об этой годовщине. Автор статьи приводит статистику, из которой следует, что в России растет число людей, считающих Октябрьскую революцию неправильным шагом. В следующих абзацах автор предлагает свой взгляд на этот вопрос: «*Нынешняя Россия – инвалид, да еще и с серьезным нарушением психического развития. А как еще можно представить свою страну после того, как психически больные, бесноватые большевики 70 лет насильствовали население 1/6 части земной суши?!*» Однако в высказываниях автора чувствуется ирония, он далее пишет, что «*Современная Россия продолжает стоять на коленях перед культурой и международным сообществом развитых стран, виновато оправдываясь в собственном существовании*». Он рассказывает об исчезновении работающей системы науки, образования и здравоохранения, а следующими словами он затрагивает и российскую промышленность: «*И уж, конечно, не вспоминаем, что гиганты промышленности, которые до сих пор успешно качают и перерабатывают и поставляют природные ресурсы на потребу развитому Западу, были спроектированы, созданы и построены в проклятые для международных ума, чести и совести годы*». Искомые слова используются как метафора, данное выражение характеризует всю советскую эпоху, в которой партия была «умом, честью и совестью». Не используется ирония, а синекдоха, которая обозначает целую

историческую эпоху. Заключение статьи звучит очень иронично, автор говорит: *«В самом деле, ну что отчаиваться? Инвалидность и неполноценная историческая психика еще не повод отказываться от радостей жизни. Их теперь столько, что глаза разбегаются от одних только фантазий!»* Хотя в употреблении выражения «ум, честь и совесть» нет иронического подтекста, вся статья имеет как раз подобный эффект. Еще раз подтверждается, что употребление крылатых выражений советской эпохи связано с иронией.

В газете «Аргументы и факты» была опубликована критическая статья Андрея Сидорчика под названием *«Писатель Шишкин как „русская красавица“»* (Сидорчик, 2013), в которой автор оценивает нравственность противников режима нынешнего руководства России, писателя М. Шишкина и победительницы конкурса мисс Натальи Переверзевой. Писатель Шишкин, отказавшийся представлять Россию на Нью-Йоркской книжной ярмарке, публично заявил, что не желает быть представителем страны по политическим причинам. Это заявление разделило россиян на две половины: *«Россия тут же разделилась на два лагеря: для одних Шишкин – „отщепенец“, „продажная шкура“, „наймит“, льющий воду на мельницу соответствующую; для других – светоч демократии, ум, честь и совесть России, бесстрашный борец с тоталитаризмом, не боящийся козней тайной путинской охраны»*. Использование изучаемого выражения в этом контексте не является ироничным, но сдвиг, который претерпело это выражение, интересен. Уже даже частное лицо может быть «умом, честью и совестью» общества. Учитывая то, как это выражение использовали поклонники писателя, публика, становится понятно, что это словосочетание продолжает широко распространяться в сознании людей.

Вторая статья, в которой появился это выражение – интервью с вдовой Анатолия Собчака, первого мэра Санкт-Петербурга, политиком Людмилой Нарусовой. Статья несет название *«Людмила Нарусова: Мой муж мечтал не о такой стране»* (Кожемякин, 2011), и искомая фраза появляется в самом начале разговора. На вопрос *«Людмила Борисовна, ваш муж, Анатолий Собчак боролся за торжество демократии. Нынешняя Россия – и есть то, о чем он мечтал?»* Нарусова, среди прочего, отвечает: *«Мы возвращаемся в эпоху, когда одна партия – „ум, честь и совесть нашей эпохи“?... Вместо отрубленной головы у гидры вырастает новая»*. Связь крылатого выражения прошлого с коррупцией и проблемами современной России говорит о ее безвременности.

«Новая газета» опубликовала выражение в блоге Александра Лебедева *«Куда же почетному гражданину Аихабада без Ордена Ливанского Кедр?»* (Лебедев, 2102). Статья представляет собой список наград *«гиганта мысли и отца русской демократии»* Юрия Лужкова с комментариями автора и выводом в виде подсчета потерянных денег в период его пребывания на посту мэра. Автор также называет его следующим образом: *«Великий человек. Могучий. Ум, честь и совесть эпохи»*. Вся статья построена на иронии и сравнении достижений мэра в виде полученных наград и неудач в виде материальных потерь и убытков. Именно эта статья, пожалуй, является наиболее ярким примером использования крылатых выражений советского режима в современной политической сатире.

Последний анализируемый фрагмент дискурса – это снова интервью с Людмилой Нарусовой, причем искомое выражение используется в нем почти так же, как и в первом интервью. Интервью носит название *«Людмила Нарусова: „Это мое политическое завещание“»* (Масюк, 2012). На вопрос, звали ли ее в «Единую Россию», Нарусова отвечает: *«Конечно. Лично Исаев, видный деятель „Единой России“.* Я сказала – нет. Мой муж боролся против монополизма КПСС вовсе не для того, чтобы я сейчас вступала в партию, которая снова называет себя „ум, честь и совесть нашей эпохи“». Здесь мы снова сталкиваемся с тем же актуализированным сходством правящей партии прошлого с нынешней правящей партией.

В заключение можно отметить, что, хотя во многих источниках утверждается, что советизмы и советские реалии сегодня используются с иронией (Guzi, 2011, с. 73), наше исследование это не подтвердило однозначно. Хотя ироническое использование преобладало, только шесть из одиннадцати рассмотренных статей можно было классифицировать как чисто иронические. Нейтральное использование мы заметили пять раз. Не всегда удавалось точно определить, употреблялось ли данное выражение с иронией или нет. Примером может служить случай использования изучаемой фразы в предложении или абзаце с нейтральной коннотацией, но статья в целом звучала иронично. Некоторые исследователи считают, что потенциал воздействия на адресата является целью медийного дискурса (Dulebová, 2012), но устаревшие советские выражения могут постепенно утрачивать свою агитационную функцию. Это могло бы объяснить их нейтральное употребление: устойчивое выражение используется и дальше, но общество постепенно теряет способность понимать его коннотации. Еще одно интересное наблюдение состоит в

том, что эти термины использовались нечасто. В течение трех лет мы нашли лишь несколько примеров, в которых они имели место. Причиной этого может быть небольшая выборка периодических изданий, а также постепенный отказ от советизмов в активном лексиконе журналистов. С другой стороны, их использование в дискуссиях под статьями очень широко распространено и свидетельствует о глубоком укоренении советских выражений в подсознании населения. Также эти выражения чаще используются при выражении собственного мнения, примером чему могут служить, например, такие жанры, как интервью или блог. Если в прошлом подобные выражения также использовались в новостном жанре журналистского стиля, то сегодня они чаще встречаются в авторских колонках. Хотя чешские лингвисты Цврчек, Чермак и Шмидтова утверждают, что в обычном общении советский язык почти непонятен (Cvrček, Čermák, Schmiedtová, 2010, с. 15), исследование показывает, что это не совсем относится к крылатым выражениям: даже спустя три десятилетия они сохранились и используются не только в журналистике, но и в повседневном общении.

III. Советский герой за границей

Российская империя в течение XVIII и XIX веков расширялась и присоединяла территории, населенные в основном нерусским, но славянским населением, а также представителями балтийской языковой группы и многими тюркскими народами. Однако сильная русификация в многонациональной монархии не принесла ожидаемых результатов и вызвала волну сопротивления, что еще больше способствовало успеху революции 1917 года. После образования СССР появились тенденции к самоопределению наций, но уже в 20-х и 30-х годах была установлена тенденция сильной советизации, связанной со стремлением интегрировать все нации в «новое советское общество», что также повлекло за собой сильную русификацию, особенно в сфере образования. За пределами СССР, в братских странах восточного блока, происходил аналогичный процесс, хотя, правда, адаптированный к данным условиям, изначально прикрывавшийся маской славянского единства и борьбы с фашизмом.

После того как СССР вместе с державами-победительницами договорился о разделении сфер влияния, восточная Европа, включая Чехословакию, после «победоносного

февраля» (который, кстати, стал устойчивой частью чехословацкого метанарратива), встала на путь советизации. Сразу после войны мы не находим много свидетельств, которые указывали бы на значительное вмешательство Москвы во внутренние дела Чехословакии, хотя нельзя сказать, что влияния СССР не было вообще (Naimark, 2008, с. 181). После победы коммунистов на выборах начался процесс советизации, или, как говорят некоторые историки, самосоветизации (Naimark 2008, с. 196). Хотя в Чехословакии также были свои современные герои, отвечающие всем необходимым атрибутам для включения в социалистический пантеон, достаточно упомянуть Яна Шверму, Юлиуса Фучика или Янка Гьертли, советские модели также успешно адаптировались. Этому способствовало не только обязательное преподавание русского языка, обязательное чтение советской литературы, но и постоянное подчеркивание героических поступков средствами массовой информации. Поэтому неудивительно, что образы советских героев обосновались в коллективной памяти, возможно, даже глубже, чем чехословацких героев. Поэтому мы решили указать на восприятие советских героев в современном словацком медиадискурсе, сравнив образ героя с «родным» российским дискурсом.

III.1 Советские герои и их позиция в словацких СМИ

Пантеон советских героев за семьдесят лет советской власти прошел путем динамичных изменений, но имена этих героев не исчезли с распадом Советского Союза. В центральной Европе мы сталкиваемся с ними почти каждый день, особенно в странах бывшего восточного блока (Чехия, Польша, Венгрия, Словакия), ими также пользуются профессиональные журналисты и блогеры.

Профессор Сипко об использовании прецедентных выражений в российской прессе говорит, что «идеографические особенности этнокультурного текста, ... русскому кажутся вполне естественными, и он даже подсознательно воспринимает заложенную в них скрытую информацию и косвенную оценку» (Sipko, 2008, с. 10). В российском медиадискурсе, конечно, появляются и прецедентные имена зарубежного происхождения, подвергаясь при этом, весьма часто, значительной реинтерпретации (ср. Дулеба, Дулебова, 2021) и в данном аспекте ситуация аналогична словацкому дискурсу. Поэтому мы сосредоточимся на выяснении того, кодируют ли прецедентные имена советских героев в словацком дискурсе этнокультурную информацию, предполагается ли знание скрытых контекстов среди

словацких читателей и в какой степени выражения понятны словацкому адресату текста. Мы опираемся на теорию прецедентных текстов Юрия Николаевича Караулова и его классификацию прецедентных явлений (прецедентное имя, высказывание, ситуация, текст) и постараемся указать на возможную актуализацию прецедентной ситуации, высказывания или текста через прецедентное имя. Мы также попытаемся интерпретировать (или же переосмыслить, демифологизировать) имена советских героев, появляющиеся в словацких СМИ, главным образом с точки зрения их оценочной функции. Как и во всей монографии, мы сосредоточимся на В. И. Ленине, И. В. Сталине, П. Морозове и Ю. Гагарине. Личностью И. П. Мичурина будем заниматься в следующей части работы. Основным критерием при выборе этих фигур является их известность за пределами бывшего Советского Союза. Корпус материала состоит из фрагментов дискурса, опубликованных в словацких периодических изданиях и блогах в 2010 – 2015 гг.

С именем лидера революции Владимира Ильича Ленина мы довольно часто встречаемся в словацком медийном дискурсе. Однако имя Ленина часто используется журналистами в своей основной функции – как фактографический термин, используемый в исторических статьях. Однако, с другой стороны, мы также обнаруживаем имя Ленина как часть крылатых выражений, одним из примеров является, например, название немецкой комедии *Good bye, Lenin!*. Примером использования этого названия является статья «*Good bye, Lenin!, говорят молодые россияне*» (*Goodbye Lenin, odkazujú mladí Rusi*, Procházková, 2011), где автор комментирует опрос, посвященный захоронению тела Ленина. Словосочетание *Good bye, Lenin!* символизирует отклонение общества от прежнего режима. С началом боевых действий в Украине в прессе появилось новое явление: использование имени Ленина как символа пророссийского движения на востоке Украины. В тексте «*Украина? Мы прошли ее всю*» (*Ukrajina? Tam vás zabijú, vystríhal nás. Prešli sme ju celú*, Procházková, 2014) автор утверждает, что украинские города можно разделить по двум признакам: по тому, висят ли украинские флаги на окнах или стоит ли на площади статуя Ленина. Таким образом, Ленин превращается из символа коммунистического прошлого в символ общей пророссийской ориентации. В этот период в прессе также появляется новое слово: «*Ленинопад*» (*Leninopád: na Ukrajine zničia ročne 140 sôch a búst Lenina*, Procházková, 2015), связанное с проевропейской ориентацией в Украине. Слово почти полностью утратило коннотацию, связывающую его с СССР, и использовалось для характеристики

современных явлений.

Имя Иосиф Виссарионович Сталин используется в словацком медийном дискурсе скорее для обозначения целого периода времени – периода культа личности, и часто этот период сравнивают с современностью. В статье *Премьер-министр собирает евродотации для автомагистралей (Eurofondy na diaľnice dáva dokopy premiérka*, Krajanová, 2010) мы встречаемся с обозначением премьер-министра Словакии именем Сталин, так как автор использует сходство в методах общения между премьер-министром Р. Фицо и Сталиным. Словацкий писатель Любомир Фелдек в своем фельетоне «*Фельетон ночи святоянской (Fejtón noci svetojánskej*, Feldek, 2013) говорит, что даже сегодня в Словакии чувствуется дух сталинской эпохи, люди живут в атмосфере страха. Причину этого страха автор видит в маленьких *сталинчиках*, людях, которые все еще способны держать других в страхе – словацких работодателей.

Павлик Морозов, символ противоречивости героя, одновременно проклинаемый и признаваемый, претерпел за время существования своего культа значительные изменения в восприятии обществом, что более подробно будем проиллюстрировано в следующих главах. Он не остался только в общем сознании русскоязычных стран, до сих пор его знают и в Словакии. В статье о детском лагере Артек (*Bývalý pioniersky tábor Artek už nie je vzorom*, Корсáк, 2001) автор рассказывает о былой славе этого места, где в одной части комплекса вместо детей уже живут пенсионеры, всю жизнь проработавшие в лагере. Он также описывает молодых людей, которые сегодня посещают лагерь, по его мнению, их больше всего интересуют наркотики и сексуальная жизнь. И, в связи с этим, также упоминает знаменитого пионера Морозова: «*С той эпохой, когда образцом для подражания советских пионеров был разоблачитель Павлик Морозов (который даже не был пионером), сегодняшние летние детские лагеря не имеют ничего общего. Конечно, кроме революции. Но революцию пролетариата заменила революция сексуальная*». Автор иронически использует имя Павлика Морозова, а также использует имя пионера, как это было в случае с использованием прецедентного имени Ленин, для обозначения всей исторической эпохи. Имя П. Морозова мы также нашли в тексте «*Человек-амфибия (Človek obojživelník*, Földvári, 2014), название которого отсылает к прецедентному тексту Александра Беляева. Опять же в статье упоминается бывший премьер-министр Словакии, который был членом Коммунистической партии Чехословакии, а теперь утверждает, что является верующим

католиком. Автор считает, что невозможно одновременно верить и в Бога, и в идеалы коммунизма, и приводит несколько примеров, называя премьер-министра *доктором Джекиллом и мистером Хайдом* или *Кайей Маржиком и Павликом Морозовым*. Автор упоминает действительно противоречивых персонажей: героя рассказов для детей-католиков и Павлика, мальчика, который предал собственного отца. Снова мы встречаем Павлика как павшего героя, имя которого в Словакии приобрело очень негативные коннотации.

Зоя Космодемьянская, единственная женщина в нашей подборке, кажется, относительно неизвестна в Словакии. Ее имя нам удалось найти только в дискуссиях, которые доступны в интернете под статьями. Пример использования имени Зои можно найти в дискуссии с Катариной Неведяловой, молодым членом Европейского парламента (*Najmladšia slovenská europoslankyňa: Použijem ženské zbrane*, Kováčová, 2009). В интервью депутат упоминает о своей борьбе за права женщин и рассказывает о своей работе во фракции европейских социалистов. Один из участников дискуссии прокомментировал интервью следующим образом: «... это новая Зоя Космодемьянская, не хватает только Павки Корчагина». И снова мы сталкиваемся с прецедентным именем (и не одним) как носителем культурной информации, указывающей на коммунистическое прошлое.

Имя первого человека в космосе, космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, довольно часто можно встретить в словацкой прессе. Но здесь необходимо обратить внимание на интересный факт: имя космонавта вообще не используется в прессе как прецедентное явление. Также в словацких СМИ Гагарин остается «настоящим героем» (*Gagarin a jeho strach*, Procházková, 2011), символом покорения космоса и победы науки. С другой стороны, попытки демифологизации этого персонажа также заметны, например, в статье «Улыбка Гагарина» (*Gagarinov úsmev*, Procházková, 2009) автор пишет о давно скрываемом интересе Гагарина к женщинам и алкоголю.

Анализ источников позволяет сделать вывод, что имена советских героев как прецедентные явления по-прежнему относятся к излюбленным средствам словацкого медиадискурса. Но в то же время следует отметить, что в большинстве случаев они подвергаются значительным семантическим изменениям с целью демифологизации данных персонажей. Частое использование этих прецедентных имен только подтверждает тезис о том, что даже сегодня советские герои остаются частью коллективной памяти и все еще

известны в Центральной и Восточной Европе.

III.2 Сравнение героев в национальных дискурсах

Анализ периодической печати с точки зрения темы данной монографии допускает несколько подходов. Одним из них является анализ использования конкретного прецедентного имени советского героя в современном, как словацком, так и российском, медийном дискурсе и их последующее сравнение. Цель состоит в том, чтобы создать образ использования прецедентного имени в медиатекстах, попытаться найти ответы на вопросы, в каком контексте говорится о том или ином человеке, какие ассоциации вызывает используемое имя, как изменилось, и изменилось ли вообще, значение прецедентного имени по сравнению с восприятием оригинальной исторической фигуры в советский период и какие сдвиги можно увидеть в восприятии конкретного персонажа на основе происхождения текстов.

Из имен знаменитых советских героев мы выбрали то, которое не чуждо ни словацким, ни российским читателям. Это имя известного биолога и плодовода Ивана Владимировича Мичурина.

В интернет-версии словацкой ежедневной газеты SME мы с помощью поисковой системы нашли статьи, содержащие имя Ивана Мичурина, и подвергли их анализу (блоги и комментарии к обсуждению под статьями были исключены). На портале sme.sk мы нашли упоминание об этом селекционере шесть раз. Первая статья под названием *«Мичурин Иван Владимирович»* (Mičurin Ivan Vladimirovič, Procházková, 2005) является описанием жизни этого выдающегося садовода, которое было опубликовано по случаю 150-летия его рождения. Этот текст можно было бы использовать, с нашей точки зрения, хоть и с небольшим преувеличением, в качестве учебного пособия для студентов-русистов. В тексте автор дает характеристику ученого, которая включает его научный вклад, отношение к государственной власти, а также его эксцентричность, качества, которые сделали его имя прецедентным. Прямо в первом предложении автор пишет: *«Если в отношении кого-то верно равенство гений = чудака, то это легендарный плодовод и селекционер Иван Владимирович Мичурин»*. Как мог сын дворянина стать советским героем? Ответ мы найдем в статье: *«„Не успела закончиться гражданская война, как меня заметил В. И. Ленин“ – пишет он в мемуарах. Действительно, Советская власть создала из своего частного*

райского сада Центральную генетическую лабораторию И. В. Мичурина». Он получил признание за свои селекционные достижения: «таким образом, сотни новых видов были созданы, и южные сорта перемещались на сотни километров к северу, где раньше они не могли выжить», но в то же время его имя было использовано пропагандой: «его заявления коммунистическое руководство довело до абсурдной формы, которую можно воплотить в поговорке „мы повеливаем ветром и дождем“». Автор статьи большую часть времени находится в описательной плоскости, допуская лишь случайные оценочные пассажи, но в целом имя Мичурина не выполняет в статье оценочной функции и не может рассматриваться как прецедент.

Во второй найденной нами статье, авторском комментарии, имя биолога упоминается уже в названии: «*Мичуринская коза*» (Mičurinská koza, Schutz, 2011). Название явно вдохновлено грубой шуткой, которую легко можно найти в интернете. В тексте автор возвращается к беспорядкам на Британских островах летом 2011 года и описывает «... *восстание молодежных банд, ... еще одно из шоковых событий 2011 года*». Автор удивляется методам обучения и британскими законами: «...*именно в Британии выбили из рук родителей стандартные образовательные инструменты, проверенные веками. Потому что, если вы шлепнете своего собственного ребенка по заднице, согласно действующему законодательству, вы совершили уголовное преступление, связанное с насилием в семье*». Наличие прецедентного имени И. В. Мичурина в названии статьи становится понятным только в заключении, где автор пишет: «*проблему, симптомом которой является разграбление в Англии и долговой кризис, который можно считать экзаменом зрелости, можно описать как пересечение капиталистических свобод и социалистических ценностей (равенства, „право“ на все, „недискриминации“ и др.) – это коза Мичурина, которая только что достала рогами до потолка*». В данном тексте отчетливо заметна оценочная функция использования прецедентного имени, поскольку автор указывает на «скрещивание», которое не приносит ничего хорошего обществу, и косвенно уподобляет эту процедуру «мичуринским» попыткам соединить несовместимое.

В следующей статье автор комментирует документальный фильм под названием «*Зачем нам демократия?*» Уже название статьи «*Гибрид гибриду рознь*» (Nie je hybrid ako hybrid, Porubjak, 2008) относится к скрещиванию неоднородных элементов и прецедентное название находится прямо во введении: «*Сегодня только старшему поколению что-то*

говорят такие имена, как Мичурин и Лысенко – советские биологи, о которых дети в нашей стране уже знали в детских садах. Благодаря им мы с самого раннего возраста знали, что такое скрещивание, или гибридизация в биологии». Однако впоследствии автор акцентирует внимание на «социальной гибридизации», когда пишет: *«Но что означает гибридизация социальных систем понял только тогда, когда увидел документальный фильм „Зачем нам нужна демократия?“ о выборах старосты класса в начальной школе в Китайской Народной Республике»*. Имя Ивана Мичурина снова вызывает негативную коннотацию: связь демократии и Китайской Народной Республики автор не считает работающей комбинацией и сравнивает ее с экспериментами, которые знаменитый биолог проводил при скрещивании растений.

Мы также нашли искомое выражение в статье под названием *«Маликова лежит в больнице, СНС на нее подало заявление»* (Malíková leží v nemocnici, SNS na ňu podala oznámenie, sme.sk, 2014), в которой автор описывает внутренние споры в Словацкой национальной партии. Статья посвящена описанию событий, которые привели к предполагаемому физическому насилию над Анной Маликовой. В конце статьи мы также находим такое предложение: *«Мариан Андел, бывший почетный председатель партии СНС, ответил, что он бы не удивился если бы основателями партии были Анна-пролетарка и Вова Мичурин»*. В заявлении мы встречаем два прецедентных имени, которые указывают на абсурдность ситуации в партии. Также в этом случае имя Мичурина, кстати, неправильно обозначенного как Вова, что может указывать на связь с именем Ленина, приобретает комический подтекст и негативную коннотацию.

В более старом тексте под названием *«У нас еще не было возможности испытать настоящую демократию»* (Zatiaľ sme nemali možnosť okúsiť naozajstnú demokraciu, Hozlár, 1997) автор оценивает развитие демократии в Словакии в тени сорванного референдума 1997 года. Сообщение начинается со следующих слов: *«Я еще ходил в школу, когда нас учили, что все изобретения были сделаны советскими людьми. Лепешинская, Лысенко, Мечников, Мичурин, Миклухо-Маклай, Стаханов, Макаренко, молодая гвардия, Тимур и его команда, Берия. В то время партийных лидеров „любил“ весь народ»*. Ключевым предложением статьи нам кажется следующее утверждение: *«Тот, кто не вкусил истинной свободы, поверит всему, что говорит его любимчик»*. Именно этой фразой автор указывает на манипуляцию в обществе. Хотя имя И. Мичурина включают в число выдающихся

ученых, некоторые персонажи вымышлены и в лучшем случае противоречивы. Из статьи читатель может сделать вывод, что пропаганда существенно меняет реальность, что имело место и в советское время. Имя Мичурина снова упоминается как отрицательный пример советского влияния.

Последний проанализированный словацкий текст под названием *«В Земплине клубника и малина процветают зимой»* (V Zemplíne sa darí jahodám a malinám aj v zime, korzar.sme.sk, 2005) посвящен проблеме, действительно близкой И. Мичурину – биологии. В статье садовод из окрестностей Земплинской Ширавы описывает свои достижения в выращивании клубники и малины, и *«знакомые уже прозвали его маленьким Мичуриным»*. В тексте имя И. Мичурина использовалось шуточно, с позитивной окраской, с указанием на сходство садовода со знаменитым селекционером и с его потрясающими экспериментами.

Из шести проанализированных статей изучаемое прецедентное явление приобретает негативную коннотацию в четырех случаях, один раз статья пытается описать его беспристрастно, хотя даже тогда заметна легкая ирония, и один раз мы имя И. Мичурина обнаружили в тексте, посвященном биологии, где оно приобрело более или менее позитивный или слегка шуточный смысл.

Аналогичным образом мы искали имя И. Мичурина также в интернет-издании российской газеты «Известия». Поскольку мы нашли много результатов, мы проанализировали только 6 текстов в хронологическом порядке. Первая статья *«Мертвая земля»* (Дьякова-Тиноку, 2014) посвящена проблеме утечек нефти из трубопроводов, которые приводят к экологическим авариям. В статье рассматривается этот вопрос с разных точек зрения, в том числе экономической. Начинается словами: *«„Мы не должны ждать милостей от природы, взять их у нее-наша задача“ – высказывание бесспорно выдающегося советского биолога Ивана Мичурина звучало бы не так вызывающе, если бы не применялось на практике с таким рвением»*. Автор использовал высказывание И. Мичурина, правда, в абсолютно нейтральном контексте, но используя его, он критикует другое явление, и прецедентное высказывание не берет на себя оценочную функцию.

Второй текст, в котором появляется искомое имя – это интервью с директором Общественного телевидения А. Лысенко (Тропкина, 2012), который утверждает, что в эфире не будет цензуры и что они также будут в телепередачи приглашать активистов оппозиции. В одном из вопросов репортер сомневается, что телевидение останется на медиарынке,

потому что у него много критиков. Лысенко отвечает: *«Говорят, что не приживется, но попробовать-то надо! Как говорил товарищ Мичурин, нельзя ждать милости от природы – взять у нее – наша задача»*. Директор использовал высказывание И. Мичурина, чтобы проиллюстрировать стремление к жизнеспособному вещанию, он хочет не просто ждать, что произойдет с телевидением, он хочет активно действовать. Также в этой статье имя Мичурина и его высказывание выступают нейтрально.

Текст *«Черноплодная страна»* (Быков, 2010) посвящен годовщине со дня рождения И. Мичурина. В статье, помимо биографических данных, появляются рассуждения, в которых также встречается искомое прецедентное имя. Автор, например, описывает эксперименты с трансплантацией головы собаки, и говорит: *«...именно этим экспериментом прославился Владимир Демихов – советский Мичурин от трансплантологии»*. Таким образом указывает на особенности мичуринских экспериментов. Хотя в данном случае употребление имени Мичурина несет в себе негативную коннотацию, в дальнейшем это ощущается не столь однозначно. Например, автор говорит: *«Эта мичуринская страна, с ее сочетанием дичка и аристократизма, нравилась мне больше нынешней, поделенной непреодолимыми барьерами на географические, экономические и социальные страты»*. В этом выражении уже чувствуется, что прилагательное мичуринский используется для описания гибрида, который, однако, «принялся» и даже в своем многообразии функционирует правильно. В целом мы оцениваем статью как нейтральную, потому что имя Мичурина несколько раз появляется в положительном контексте, и автор, в отличие от словацких авторов, указывает в основном на успешные научные опыты и не высмеивает абсурдность других, менее успешных, селекционных экспериментов.

«Пейзаж за рябиновым кустом» (Забродина, 2010) – это текст, опубликованный вскоре после статьи *«Черноплодная страна»* и посвященный реакциям, которые вызвала эта статья. Опять же это нейтральный текст, в качестве иллюстрации в нем приведены материалы за и против И. Мичурина. В комментариях также можно найти следующие противоречивые утверждения: *«Мичурин остается ничем не запятнанным Мичуриным. Просто действительно выдающимся селекционером. ... Оба игнорировали генетику (Мичурин, Лысенко) и потерпели фиаско»*.

Статья «Засуха в головах» (Мелихова, 2010), которая в названии скрывает актуализированное прецедентное выражение из книги М. Булгакова «Собачье сердце», посвящена теме лесных пожаров и их связи с рыночной экономикой. Автор в тексте также рассказывает о различных функциях леса и об отношении советской власти к лесному хозяйству: *«А когда на плакате восторженная комсомолка в повязанной по-крестьянски косынке указывает на карту будущих защитных лесополос, то на книгах у нее под мышкой можно прочесть имена Докучаева, Мичурина и Лысенко»*. Однако автор не ставит перед читателем задачу поиска смысла использованного прецедентного имени и далее пишет: *«С учетом того, что мы знаем о лысенковщине, такой букет способен пробудить скепсис даже у самых доверчивых»*. Таким образом, в тексте имя Мичурина приобретает негативную коннотацию и преподносится, скорее, как синоним научного дилетантизма.

Уже в названии статьи «Больные маницефалией» (Третьяков, 2009) скрывается каламбур с английским словом *topeu*, и автор в статье рассуждает над придуманной болезнью «маницефалией» на фоне трагедии в ночном клубе в городе Пермь. Президент Медведев в связи с трагедией сказал, *«что у виновников этого преступления „нет ни мозгов, ни совести“*». Автор также развивает эту мысль, используя прецедентное имя: *«...совести у виновников этих преступлений нет. ... Ведь совесть, если ее нет, уже ничем не привьешь. Никакие мичурины, хирурги, макаренки и репрессивные органы здесь не помогут»*. Автор выражает мнение, что никакие «мичуринские» эксперименты в данной ситуации не помогают, совесть невозможно восстановить с помощью науки. В данной статье мы рассматриваем прецедентное имя как оценочное, оно имеет негативную коннотацию и указывает на бесплодные эксперименты.

Проанализировав шесть статей, мы пришли к выводу, что имя И. Мичурина использовалось как имя знаменитого ученого и как прецедентное имя. В общей сложности в четырех статьях этот антропоним использовался нейтрально, дважды прецедентное имя Мичурин появлялось в оценочной позиции и приобретало отрицательное значение.

Сравнивая две рассмотренные подборки текстов, мы приходим к интересному выводу: в то время как в словацком контексте имя И. Мичурина почти всегда используется в оценочных позициях и словацкий журналист предполагает, что читатель знаком с культурным фоном данного имени, в русской подборке текстов имя И. Мичурин было использовано в основном нейтрально. Оно использовалось в сочетании с его высказыванием

«Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». Мы не нашли этого крылатого выражения в оценочной позиции, но, с другой стороны, пропаганда превратила это высказывание в известное восклицание «Мы прикажем ветру, дождю», которое появляется в словацкой журналистике как инструмент оценки. В словацкой прессе это прецедентное имя до сих пор приобретает негативный или насмешливый оттенок.

Заключение

Стандартные термины, используемые при построении советского метанарратива, включали более широкие концепции и позволяли конкретизировать и лучше понимать абстрактные понятия, включая «героизм советского типа»: сильная личность превращается в идеологическую мобилизационную модель для широких масс в коллективистском обществе и конкретизирует точные представления о том, как должен действовать «новый советский человек». Такие герои, благодаря средствам массовой информации, стали широко известны не только в странах бывшего СССР и восточного блока, но и в сознании жителей по ту сторону железного занавеса. Неудивительно, что благодаря массовой пропаганде герои советского периода сохранили свое место даже в нынешней коллективной памяти.

На основе анализа текстов, содержащих упоминания о героических фигурах СССР, начиная с 30-х годов XX века и заканчивая статьями последних лет, мы подтвердили гипотезу об изменениях семантики восприятия героев во времени. В отдельных подразделах мы проиллюстрировали возможные подходы к изучению наследия советских героев и к возможным манипуляциям с их изображением в советскую и постсоветскую эпоху. С самым основным разделением на героев мужского и женского пола мы можем сделать вывод, что на заднем плане стоят женщины-героини, которых часто даже не возводили в пантеон советских героев, или же до сих пор нет однозначного мнения об их героизме. В рамках количественного анализа стало ясно, что женщины-героини упоминаются в дискурсе реже, и если их имена встречаются, то часто в прямом, не переносном значении, они воспринимаются как исторические личности. Они предстают как помощники, дополняющие героя, завершающие героический образ и тем самым подтверждающие тезис С. Эллисон и Г. Гетальса, которые утверждают, что одним из атрибутов героя является также то, что его часто сопровождает спутник. Единственным исключением является З. Космодемьянская, которую до сих пор считают героиней, что мы объясняем тем, что героиня трагического периода войны оставила самый глубокий след в коллективной памяти народа.

Понимание образа в средствах массовой информации с течением времени дает нам возможность исследовать более широкий объем материала. В создании образа в СМИ большую роль также играет количественный анализ и частота появления героя в прессе,

иллюстрирующая актуальность появления персонажа в данный период. Наиболее часто в СМИ упоминаются П. Морозов и И. Мичурин. Изучая медиатексты, мы столкнулись с двумя разными подходами к отдельным героям в один и тот же период: Мичурин изображался более позитивно, а противоречивый Морозов отрицательно, при этом наблюдается заметная попытка демифологизации персонажа. Но, с началом нового тысячелетия, мы замечаем сдвиги в отношении к этим героям: подтвердилось предположение, что после 1999 года происходит переоценка отношения к советскому периоду, и общество уже более примирительно относится к советским героям. Это подтверждается не только нейтральными медийными текстами, пытающимися указать на положительные и отрицательные стороны героя, но и положительными, по сути, описаниями советских героев.

Другой подход к пониманию образа героя также заключается в изучении его наследия в современном дискурсе, т. е. в использовании не самого имени героя, а его известных высказываний. В рамках исследования этого направления мы столкнулись с сильной иронизацией высказываний героя, с одной стороны, а также с нейтральным использованием выражений, которые мы связываем с потерей суггестивной функции высказывания или со снижением способности данного сообщества понять первоначальный смысл высказывания. Как и в случае более примирительного отношения к конкретным героям, мы также связываем нейтральную функцию советских крылатых выражений с переосмыслением взглядов в современном обществе и попыткой демифологизировать советский героизм.

В рамках изучения дискурса мы не избегали и книжных публикаций. Естественно, именно художественная литература предоставляет широкие возможности для создания желаемого образа героя. Здесь еще более ярко выражена пропагандистская сила, проявляющаяся в книгах, предназначенных для детских адресатов. При рассмотрении категории герой / антигерой в книгах, посвященных Павлику Морозову, мы отчетливо ощутили влияние пропаганды или настроения общества, которое очень легко трансформировалось в образ героя – в то время как советские книги прославляли героя, книга перестройки, работающая с открытыми архивами перестроечного периода, создает совершенно противоположное мнение и идет в ногу с настроениями в обществе, которое пытается справиться с темными сторонами распадающегося Советского Союза.

В разделе, посвященном словацкому медиадискурсу, мы сосредоточились на героях как прецедентных явлениях. Анализ источников позволяет сделать вывод, что имена советских героев как прецедентные явления по-прежнему относятся к излюбленным средствам словацкого медиадискурса. В то же время, однако, следует отметить, что в большинстве случаев они подвержены значительным семантическим изменениям с целью демифологизации или иронизации данных персонажей. Частое использование этих прецедентных имен только подтверждает тезис о том, что даже сегодня советские герои остаются частью коллективной памяти и все еще известны в центральной и восточной Европе.

В рамках нашего исследования нам удалось выявить основные векторы использования персонажей советских героев в медийном дискурсе: маргинализация героических женщин в дискурсе, иронизация и демифологизация, особенно в использовании крылатых фраз, связанных с советскими героями, процесс превращения имени героя в прецедентное явление, теряющее свое первоначальное значение и подверженное семантическим изменениям, попытка переосмысления персонажей в современном российском дискурсе (крайне негативные коннотации, связанные с героями в 90-е годы XX века), демифологизация или прямая демонизация советского героя и последующий процесс переосмысления советского метанарратива и связанных с ним героев, а с начала XXI века – ностальгические и примирительные взгляды на советских героев.

Библиография

30 rokov Pionierskej organizácie V. I. Lenina, Smena, Bratislava, 1952

ADAMKA, Pavol. *Ruská publicistika. História, štýl*, Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2010, ISBN 978-80-8094-825-2

ADAMKA, Pavol. *Ruská publicistika*, Nitra, UKF, 2011, ISBN 978-80-8094-838-2

ALLISON, Scott T. – GOETHALS, George R. *Heroes: what they do and why do we need them*, Oxford University Press, New York, 2011, ISBN 978-0-19-973974-5

ASHWIN, Sarah. *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*, Londýn, Routledge, 2000, ISBN 0-415-21488-2

BENTLEY, Eric. *The Cult of the Superman*, Smith, Magnolia, 1947

BUCKLEY, Mary. *Mobilizing Soviet Peasants: Heroins and Heroes of Stalin's Fields*, Rowman and Littlefield Publishers Inc., Lanham, 2006, ISBN 978-0742541276

CAMPBELL, Joseph. *Tisíc tváří hrdiny*, Portál, Praha, 2000, ISBN 8071783544

CINGEROVÁ, Nina. *Červenejúce sa slová, sovietsizmy v sovietskom a ruskom verejnom diskurze*, Vydavateľstvo UK, Bratislava, 2018, ISBN 978-80-223-4599-6

CINGEROVÁ, Nina – DULEBOVÁ, Irina. *Kultúrne regióny Ruska*, Univerzita Komenského v Bratislave, Bratislava, 2021, ISBN 978-80-223-5113-3

CINGEROVÁ, Nina – DULEBOVÁ, Irina. Rock beats the wall? on commemorative practices in post-Soviet Russia In: *Journal of nationalism, memory and language politics*. - Roč. 14, č. 1 (2020), s. 71-91, ISSN 2570-5857

CINGEROVÁ, Nina. – MOTYKOVÁ, Katarína. Präzedenznamen im Kontext der Interkulturalität: das Beispiel „Gorbi“. In: *Interkulturelle Linguistik im Aufbruch : das Verhältnis von Theorie, Empirie und Methode*. – Tübingen : Narr Verlag, 2011, s. 175 – 183, ISBN 978-3-8233-6682-9

CLEMENTS, Barbara Evans. *Bolshevik Women*, Cambridge University Press, 1997, ISBN 0-521-45403-4

CVRČEK, Václav – ČERMÁK, František – SCHMIEDTOVÁ, Věra. 2010. *Slovník komunistické totality*, Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 2010. ISBN 978-80-7422-060-9

DOLNÍK, Juraj. *Lexikológia*, Bratislava, Univerzita Komenského Bratislava, 2003, s. 191, ISBN 80-223-733-0

DULEBA, Maxim. K poznámke pod čiarou: Bachtinov termín „chronotop“ v kontexte materializmu In: *Svět literatury*, Praha: UK FF, Issued: 10 / 2021, (XXXI) 64, s. 57- 72, ISSN: 2336-6729

DULEBOVÁ, Irina – KRYUKOVA, Larisa. Precedentnyje imena ruskoj kul'tury i istoriji v sovremennyh slovackich SMI In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Č. 425 (2017), s. 19-25. ISSN 1561-7793

DULEBOVÁ, Irina. *Precedentné fenomény súčasného ruského jazyka: Interkultúrny a*

- lingvodidaktický aspekt*. Bratislava: Univerzita Komenského. 2015. ISBN 978-80-223-4053-3
- FIGES, Orlando. *Whisperers*, Macmillan, New York, 2008, ISBN 978-0-312-42803-7
- GALLO, Ján. Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранных языков, In: *Historicko-kulturologické minimum vo vyučovaní cudzích jazykov*, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2010, ISBN 978-80-8094-720-0
- GILL, Graeme. *Symbolism and Regime Change in Russia*, Cambridge University Press, ISBN 9781139842983
- GORKIJ, Maxim. *O dětské literatuře*, Praha, Albatros, 1974
- GÜNTHER, Hans. Der Held in der totalitären Kultur, In: *Agitation zum Glück. Sowjetische Kunst der Stalinzeit*. Gaßner H (Ed), Bremen, 1994, s. 70 – 75, ISBN 3861085097
- GÜNTHER, Hans. *Der sozialistische Übermensch : M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos*, J.B. Metzler, Stuttgart, 1993, ISBN 9783476009012
- GUZI, Ľubomír. *Лингвокультурологический анализ русского исторического нарратива*, Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2011, ISBN 978-80-555-0434-6
- GUZI, Ľubomír. *Ruský jazyk a spoločnosť v revolučnom a sovietskom období*, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, Prešov, 2014
- GUZI, Ľubomír. Концепт «герой» в русском языке: – завещание предков – смятение героев, In: *Historicko-kulturologické minimum vo vyučovaní cudzích jazykov*, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2010, s. 83 – 99, ISBN 978-80-8094-720-0
- HARRIS, Adrienne. *The Myth of the Woman Warrior and World War II in Soviet Culture*, New York University, New York, 2008
- JUNG, Carl Gustav. *Výbor z díla VIII. – Hrdina a archetyp matky*, Emitos, Brno, 2009, ISBN: 978-80-87171-10-3
- KAGANOVSKY, Lilya. *How the Soviet Man Was Unmade*, University of Pittsburgh, Pittsburgh, 2008, ISBN 978-0-8229-4321-1
- KELLY, Catriona. *Comrade Pavlik*, Granta, 2014, London, ISBN 9781783780716
- KENDRICK, M. Gregory. *The Heroic Ideal: Western Archetypes from the Greeks to the Present*, McFarland & Company Inc., Jefferson, 2010, ISBN 978-0786437863
- LYOTARD, Jean-Francois. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*, Manchester University Press, ISBN 0-7190-1454-9
- MANNOVÁ, Elena. Mýty nie sú slovenským špecifikom, In: *Mýty naše slovenské*, Bratislava, Premedia group, 2013, ISBN 978-80-8159-026-9
- McCANNON, John. *Red Arctic: Polar exploration and the Myth of the North in the Soviet Union*, Oxford University Press, Oxford, 1998, ISBN 978-0195114362
- MORONGOVÁ, Radka. Historicko-kulturologické minimum ve výuce ruského jazyka, In: *Historicko-kulturologické minimum vo vyučovaní cudzích jazykov*, Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2010, s. 37 – 46, ISBN 978-80-8094-720-0
- NAIMARK, Norman. The Sovietization of Eastern Europe, 1944-1953, In: *The Sovietization of*

Eastern Europe: New Perspectives on the Postwar Period, New Academia, 2008, ISBN 9780980081466

OLŠÁKOVÁ, Doubravka. *Věda jde k lidu!*, Academia, Praha, 2014, ISBN 978-80-200-2318-6

PEŠKOVÁ, Michaela. *Idea „nového člověka“ v ruské literatuře 20. a 30. let 20. století*, Vydavatelství ZČU, Plzeň, 2012, ISBN 978-80-261-0134-5

SARTORTI, Rosalinde. On the Making of Heroes, Heroines, and Saints, In: *Culture and Entertainment in Wartime Russia*, Indiana University Press, 1995, s. 176 – 193, ISBN 0-253-20949-8

SATJUKOW, Silke – GRIES, Rainer. *Sozialistische Helden: eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR*, Ch. Links Verlag, Berlin 2002, ISBN 9783861532712

SIEGELBAUM, Lewis: *Stakhanovism and the Politics of Productivity in USSR*, Cambridge University Press, 1988, ISBN 9780521395564

SIPKO, Jozef. *V pouckach istinnogo smysla*, Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2008, ISBN 978-80-8068-729-8

STITES, Richard. *Culture and Entertainment in Wartime Russia*, Indiana University Press, 1995, ISBN 0-253-20949-8

TUMARKIN, Nina. *Lenin Lives! The Lenin cult in Soviet Russia*, First Harvard University Press, 1983, ISBN 978-0674524316

VAJDA, Ján. *Etika*. Nitra, Enigma 1993, ISBN 80-85471-13-2

ZAVACKÁ, Marína (rec.): KELLY, Catriona. COMRADE PAVLIK. THE RISE AND FALL OF A SOVIET BOY HERO. In: *Historický časopis : Historického ústavu SAV*, 2007, roč. 55, č. 1, ISSN: 0018-2575

ZAVACKÁ, Marína. V čom sme to vlastne žili? Mýty budovania komunizmu, In: *Mýty naše slovenské*, Bratislava, Premedia group, 2013, ISBN 978-80-8159-026-9

ZENO, Franco – ZIMBARDO, Philip. Banalita hrdinstva. In: *Kritika & Kontext* no. 37, Bratislava, 2008

БРОНУЭН, Мартин, ФЕЛИЦИТАС, Рингхэм. *Словарь семиотики*, Москва, ЛИБРОКОМ, 2009, ISBN 978-5-397-00708-5

ГУБАРЕВ, Виталий. *Павлик Морозов*, Москва, Молодая гвардия, 1953

ДРУЖНИКОВ, Юрий. *Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова*, London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1988, ISBN: 5-239-01919-3

ДУБРОВИНА, Людмила Викторовна. Советская детская литература в свете задач коммунистического воспитания детей, In: *О воспитательном значении советской детской литературы*, Москва, Издательство Академии педагогических наук, 1952

ДУЛЕБА, Максим, ДУЛЕБОВА, Ирина. Реинтерпретация прецедентных имен немецкой литературы в российском медиадискурсе, In: *Функциональная грамматика: теория и практика*. Чебоксары, ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2021

ЖИТОМИРОВА, Наталия Николаевна. *Что читать по истории школьникам 5-7 классов*,

Ленинград, Детгиз, 1957

КАИРОВ, Иван Андреевич. Вступительное слово при открытии научной сессии Академии педагогических наук и Министерства просвещения РСФСР, in: *О воспитательном значении советской детской литературы*, Москва, Издательство Академии педагогических наук, 1952

КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ, Любовь Тимофеевна. *Повесть о Зое и Шуре*, Народная Асвета, Минск, 1978

КРУПСКАЯ, Надежда Константиновна. *О детской литературе и детском чтении*, Москва, Детгиз, 1954

КУЛЯПИН, Александр Иванович – СКУБАЧ Ольга Александровна. *В стране советской жите: мифология повседневной жизни 1920-1950 г.*, In: *Критика и семиотика*, 2007, ISSN 2307-1737

КУЛЯПИН, Александр Иванович – СКУБАЧ Ольга Александровна. *Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920-1940-х гг.*, Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005, ISBN 9785790404283

КУЛЯПИН, Александр Иванович – СКУБАЧ Ольга Александровна. *Мифы железного века: семиотика советской культуры 1920-1950-х гг.*, Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006, ISBN 9785790405594

КУПИНА, Наталия Александровна. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах сми, In: *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры*. Т. 26. № 3, 2020, ISSN 2587-7151

НАХИМОВА, Елена Анатольевна. *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург: УрГПУ, 2007, ISBN 5-7186-0238-X

ОРЛОВ, Владимир Иванович. *Рассказы о русском первенстве*, Молодая Гвардия, Москва, 1950

ПАНЧЕНКО, Александр Александрович. Культ Ленина и «советский фольклор», In: *Одиссей: Человек в истории*, Москва, 2005, ISBN 5-02-010264-4

ПОЛЕВОЙ, Борис Николаевич. *Повесть о настоящем человеке*, Молотовское областное государственное издательство, 1948

ПРОПП, Владимир Яковлевич. *Морфология сказки*, Academia, Ленинград, 1928

ПРОПП, Владимир Яковлевич. *Русский героический эпос*, Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1958

СИПКО, Йозеф. *Прецедентные имена в позиции оценочных средств*, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, Prešov, 2013, ISBN 978-80-555-0910-5

ЩЕРБИНИНА, Нина Гаррьевна.: *Герой и антигерой в политике России*, Весь Мир, Москва, 2002, ISBN 5-7777-0180-9

Elektornické zdroje

BLUNDEN, A.: *The Semiotics of Martyrdom*, dostupné na internete:

<http://home.mira.net/~andy/works/semiotics-martyrdom.htm>

DULEBOVÁ, I. Politický diskurz ako objekt lingvistického výskumu, In: *Jazyk a kultúra* (online), 2012, no. 9. Dostupné na internete: <http://www.ff.unipo.sk/jak/cislo9.html>

SUBOTIC, M.: *(Де)конструкција мита о хероју: Случај Павлика Морозова*. Dostupné na <http://www.cceol.com/>

КОЛЕСНИКОВ, Г., РОЖКОВ, А.: Ордена и медали СССР, dostupné na (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Koles/02.php)

СЕРОВ, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, Москва, Локид-Пресс. Dostupné na internete: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/>

СИМОНОВ, А. А.: Статистика по Героям Советского Союза, dostupné na (<http://www.warheroes.ru/stats.asp>)

http://www.historickycasopis.sk/pdf/Historicky_casopis_1_2007.pdf

<http://www.istpravda.ru/digest/11395/>

http://www.rg.ru/2004/11/18/morozov_pavlik.html

http://nashural.ru/Goroda_i_sela/muzei-pavlika-morozova.htm

Корпус медиатекстов

BALLOVÁ, D. 7 dobrých správ v čase koronavírusu, 8.3.2020, dostupné na <https://dennikn.sk/1822358/7-dobrych-sprav-v-case-koronavirusu-2/>

DRÁBEK, I. Leninova neter: Pohreb nedovším dostupné na <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/216303-leninova-neter-pohreb-nedovsim/>

DRÁBEK, I. Prvá kozmonautka bola najlepšia. Na zemi, dostupné na <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/283875-prva-kozmonautka-bola-najlepsia-na-zemi/>

FELDEK, Ľ. Fejtón noci svatojánskej, 26.6.2013, dostupné na <http://komentare.sme.sk/c/6850065/fejton-noci-svatojanskej.html>

FOLENTOVÁ, V. Hrdinovia dnešných dní: sestra, predavač, matka aj komunálni pracovníci., 5.5.2020, dostupné na <https://dennikn.sk/1876764/hrdinovia-dnesnych-dni-sestra-predavac-matka-aj-komunalni-pracovnici-pribehy-ludi-ktorym-korona-zmenila-zivot/>

FÖLDVÁRI, K. Človek obojživelník, 12.3.2014, dostupné na <http://komentare.sme.sk/c/7133361/clovek-obozivelnik.html>

FÖLDVÁRI, K. Človek obojživelník, 12.3.2014, dostupné na <http://komentare.sme.sk/c/7133361/clovek-obozivelnik.html>

HLUCHÁ A. Čo je to úspech?, 9.11.2020, dostupné na <https://blog.sme.sk/pokus/spolocnost/co-je-to-uspech>

HOZLÁR, J. Zatiaľ sme nemali možnosť okúsiť naozajstnú demokraciu, 9.10.1997, dostupné na <http://www.sme.sk/c/2050858/zatial-sme-nemali-moznost-okusit-naozajstnu-demokraciu.html>

JANCURA, I. Končil sa rok 1913 a nikto nemyslel na vojnu, dostupné na <http://zurnal.pravda.sk/neznama-historia/clanok/303880-koncil-sa-rok-1913-a-nikto-nemyslel-na-vojnu/>

JANCURA, I. Lenin zomrel, aby sa stal bohom bolševikov, dostupné na <http://zurnal.pravda.sk/neznama-historia/clanok/306309-lenin-zomrel-aby-sa-stal-bohom-bolsevikov/>

KOPČÁK, B. Bývalý pioniersky tábor Artek už nie je vzorom, 27.6.2001, dostupné na <http://cestovanie.sme.sk/c/72755/byvaly-pioniersky-tabor-artek-uz-nie-je-vzorom.html>

KOUBSKÝ P. Rok s koronavírusom: od Wu-chanu až po vakcínu, 23.12.2020, dostupné na <https://dennikn.sk/2197517/rok-s-koronavirusom-od-wu-chanu-az-po-vakcinu-epos-o-tom-ako-sme-nepochopili-pandemiu/>

KOVÁČOVÁ, M. Najmladšia slovenská europoslankyňa: Použijem ženské zbrane, 17.6.2009, dostupné na <http://domov.sme.sk/c/4893643/najmladsia-slovenska-europoslankyna-pouzijem-zenske-zbrane.html>

KOVÁČOVÁ, M. Najmladšia slovenská europoslankyňa: Použijem ženské zbrane, 17.6.2009, dostupné na <http://domov.sme.sk/c/4893643/najmladsia-slovenska-europoslankyna-pouzijem-zenske-zbrane.html>

KRAJANOVÁ, D. Eurofondy na diaľnice dáva dokopy premiérka, 17.12.2010 dostupné na <http://ekonomika.sme.sk/c/5687472/eurofondy-na-dialnice-dava-dokopy-premierka.html>

Kyjevská radnica pripravuje masívne premenovanie ulíc, ČTK, dostupné na <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/331928-kyjevska-radnica-pripravuje-masivne-premenovanie-ulic/>

LATTA, B. Andrej Juščenko, šampión zlatej mládeže, dostupné na <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/227814-andrej-juscenko-sampion-zlatej-mladeze/>

Lenin zostáva vo svojom rodisku stále ikonou, ČTK, dostupné na <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/250552-lenin-zostava-vo-svojom-rodisku-stale-ikonou/>

Malíková leží v nemocnici, SNS na ňu podala oznámenie, 12.1.2014, dostupné na <http://www.sme.sk/c/1228013/malikova-lezi-v-nemocnici-sns-na-nu-podala-oznamenie.html>

OLEJÁR, I. Oprášené funkčné princípy Iljinovej v súčasnom parlamente NR SR i politike vôbec, dostupné na <https://ivanolejar.blog.sme.sk/c/412323/oprasene-funkcne-principy-iljinovej-v-sucasnom-parlamente-nr-sr-i-politike-vobec.html>

ONDRIŠEK M. Pred koronavírusom zachránil celú krajinu. Hrdinom Faerských ostrovov je veterinár, 14.4.2020, dostupné na <https://dennikn.sk/1853518/pred-koronavirusom-zachranil-celu-krajinu-hrdinom-faerskych-ostrovov-je-veterinar/>

PORUBÄN M. Ako Robo Fico poslal Ľuba Blahu do parlamentu "nakazit" sa COVIDOM, 6.1.2021, dostupné na <https://michalporuban.blog.sme.sk/c/552362/ako-robo-fico-poslal-luba-blahu-do-parlamentu-nakazit-sa-covidom.html>

PORUBJAK, M. Nie je hybrid ako hybrid, 27.2.2008, dostupné na <http://komentare.sme.sk/c/3749409/nie-je-hybrid-ako-hybrid.html>

PROCHÁZKOVÁ, P. Gagarin a jeho strach, 12.4.2011, dostupné na

<http://tech.sme.sk/c/5847476/gagarin-a-jeho-strach.html>

PROCHÁZKOVÁ, P. Gagarin a jeho strach, 12.4.2011, dostupné na <http://tech.sme.sk/c/5847476/gagarin-a-jeho-strach.html>

Procházková, P. Goodbye Lenin, odkazujú mladí Rusi, 27.1.2011, dostupné na <http://svet.sme.sk/c/5738896/goodbye-lenin-odkazuju-mladi-rusi.html>

PROCHÁZKOVÁ, P. Leninopád: na Ukrajine zničia ročne 140 sôch a búst Lenina, 17.2.2015, dostupné na <http://svet.sme.sk/c/7652408/leninopad-na-ukrajine-znicia-rocne-140-soch-a-bust-lenina.html>

Procházková, P. Ukrajina? Tam vás zabijú, vystríhal nás. Prešli sme ju celú 28.8.2014, dostupné na <http://svet.sme.sk/c/7355972/ukrajina-tam-vas-zabiju-vystrihal-nas-presli-sme-ju-celu.html>

Rusko sa teší z Tereškovovej číslo 4, Pravda, dostupné na <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/331274-rusko-sa-tes-i-z-tereskovovej-cislo-4/>

SCHUTZ, P. Mičurinská koza, 11.8.2011, dostupné na <http://m.sme.sk/?cl=6011435>

Tereškovová by išla s ohňom do vesmíru, SITA, dostupné na <http://sport.pravda.sk/ostatne-sporty/clanok/296693-tereskovova-by-isl-a-s-ohnom-do-vesmiru/>

Tereškovová: Do vesmíru majú nateraz lietat' iba profesionáli, ČTK, dostupné na <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/283112-tereskovova-do-vesmiru-maju-nateraz-lietat-iba-profesional-i/>

V Zemplíne sa darí jahodám a malinám aj v zime, 31.10.2005, dostupné na <http://michalovce.korzar.sme.sk/c/4514970/v-zempline-sa-dari-jahodam-a-malinam-aj-v-zime.html#ixzz3Ri9oOEVU>

Žena storočia sa z vesmíru hlásila ako Čajka, TASR, dostupné na <http://spravy.pravda.sk/svet/clanok/242063-zena-storocia-sa-z-vesmiru-hlasila-ako-cajka/>

АРТЕМЬЕВ, З. Зоя Космодемьянская, Večerňaja Moskva, No. 219, 28.11.2016, s. 1

БЕЗЕЛЯНСКИЙ, Ю. Лиля и Вера: двойной портрет, Moskovskaja Pravda, 04.02.2012, s. 5

БЕЛИЧЕНКО, Ю. Имена и судьбы. Строитель незябнущих растений, Krasnaia Zvezda, 28. 10. 1995, No.248

БОВТ, Г. Великий коммерческий почин, 13.8.2009, dostupné na: <http://izvestia.ru/news/351843>

БОГОМОЛОВ, А. Ленин, Сталин, Крупская – нелюбовный треугольник, Komsomol'skaja pravda, No. 4, 26. 1. 2012, s. 22

БОГОМОЛОВ, А. Два лица Зои Космодемьянской, Komsomol'skaja pravda, No. 37, 12.9.2013, s. 6

БОЙКО, И. Владимир Мединский: Зоя Космодемьянская такая же святая, как 28 героев-панфиловцев, Komsomol'skaja pravda, No. 135, 28.11.2016, s. 25

БОЙЧЕНКО, А. Равнение на Павлика, Московский комсомолец, 31.1.1998, No.19

БОРТА Ю. Герой Труда «красной зоны». Врач о том, как не перегореть в борьбе с Covid, 14.11.2020, dostupné na

https://aif.ru/society/people/doktor_iz_krasnoy_zony_glavvrach_stolichnoy_bolnicy_stala_geroem_truda

БЫКОВ, Д. Черноплодная страна, 27.10.2010, dostupné na <http://izvestia.ru/news/367481>

ВЯХИРЕВ, И. Маркс, Гайдар и Терешкова, Literaturnaja gazeta, No. 44, 12.11.2015, s. 3

ГАМОВ, А., ДЯТЛОВ, А. Надежда Крупская ходила в залатанных туфлях Komsomol'skaja pravda, No. 6, January 18, 2013, s. 6

ГЕОРГИЕВ, В. Яблоне – два века, Izvestija, 18.9.1984, No.262, s.3

Герои 2020. Кто помогал самарцам справляться с испытаниями уходящего года, 8.12.2020, dostupné na

https://samara.aif.ru/society/geroi_2020_kto_pomogal_samarcam_spravlyatsya_s_ispytaniyami_uhodyashchego_goda

ГРИДНЕВА, Н., СМИРНОВ, В. Павлик Морозов был сыном бизнесмена и внуком уголовника, Kommersant Daily, 29. 04. 1999, No.073

ДОЛГАНОВ, В. Вождь пролетариата интересовался созданием обезьяно- человека Moskovskaja Pravda, 16.04.1998, No.072

ДЬЯКОВА-ТИНОКУ, К. Мертвая земля, 18.4.2014, dostupné na <http://izvestia.ru/news/569478>

ЕМЕЛЬЯНОВ, Ю. Ложь и правда о коллективизации, Pravda, No. 121, November 02, 2012, s. 5

ЗАБРОДИНА, Е. Пейзаж за рябиновым кустом, 15.11.2010, dostupné na <http://izvestia.ru/news/368085>

ЗЕРНАКОВ, А. Геройство, оказавшееся предательством, Večerņaja Moskva, No. 159, September 03, 2013

Зоя Космодемьянская: правда против лжи, Pravda, No. 44, 28.4.2015, s. 2

ИДРИСОВА, Ж. Юная жертва страшного времени Večerņaja Moskva, No. 159, September 03, 2013

КАЗОВСКИЙ, С. Второе пришествие отца народов, Novye Izvestija, 29.06.2001, No.110, s.1

КАСЬЯНОВ Ю. Пополнение флота, Izvestija, 22.01.1981, No.019, s. 1

КЕДРОВ, К. Мария Антуанетта пала жертвой Миледи, Novyje Izvestija, 12.09. 1998, No.172

КОВАЛЁВА, Т. Ещё раз про любовь. Ленин, Крупская, Арманд, Slovo, No. 23, 11.12.2015, s. 3

КОВАЛЕНКО, Ю. Бешеная корова на вольном выпасе, Izvestija, 22.06.1996, No.115

КОЖЕМЯКИН, В. Людмила Нарусова: Мой муж мечтал не о такой стране, 16.3.2011, dostupné na: <http://www.aif.ru/politics/article/41585>

КОЖЕМЯКО, В. Правда и ложь о Зое Космодемьянской, Pravda, No. 9, 30.1.2015, s. 6

КОЗЫРЕВ, А. Испугались Дворца пионеров, Pravda, No. 98, September 11, 2012, s. 4

КОСТЕНКО Я. «Здравствуйте, у вас завтра смена»: как героями 2020 года стали обычные медики, 28.12.2020, dostupné na <https://iz.ru/1102767/iaroslava-kostenko/zdravstvuite-u-vas->

zavtra-smena-kak-geroiami-2020-goda-stali-obychnye-mediki

КОСТИКОВ, В. Суп из топора, dostupné, 15.6.2011, на:
<http://www.aif.ru/politics/article/43751>

КРАВЦУН, Е. Гагарин, Терешкова, Леонов, Королев – это истории потрясающих людей, Kommersant. Daily, No. 105, 16.6.2016, s. 11

КРИВЯКИНА, Е. Крупская держала в своей комнате фотографию любовницы Ленина , Komsomol'skaja pravda, No. 7, 13.2.2014, s. 18

КРИВЯКИНА, Е. Обручальные кольца Ленин и Крупская надели всего раз, Komsomol'skaja pravda, No. 44p, April 21, 2014, s. 23

КРЫЛОВ, А. Круглый стол. Жива ли совесть на Руси? Rossijskije Vesti, 28.05.2003, No. 019, s.20

КУПРИЯНОВ, А. Финансистам требуется опыт Мичурина, NG. Politekonomija, 06.02.2001, No.002

КУТЫРЁВА, А. У русского народа есть право на будущее – Нравственный идеал Герцена – К 200-летию великого мыслителя, 5.4.2012, dostupné на:
<http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=590531>

ЛЕБЕДЕВ, А. Куда же почетному гражданину Ашхабада без Ордена Ливанского Кедрa? 28.12.2102, dostupné на: <http://www.novayagazeta.ru/blogs/128/56105.html>

Лозунг догнать и перегнать в действии, Работница, No 46, október 1931, s. 6

Маска героя: новые кумиры времен пандемии, 17.4.2020, dostupné на
<https://iz.ru/1000696/gallery/spasibo-vracham#>

МАСЛОВА, Е. В. Терешкова: Раньше думай о Родине, а потом о себе, Slovo, No. 22, November 27, 2015, s. 11

МАСЮК, Е. Людмила НАРУСОВА: «Это мое политическое завещание», 9.12.2012, dostupné на: <http://www.novayagazeta.ru/politics/55331.html>

МАЦКЕВИЧ, Э. Человек и природа. Роща Шайдурова, Izvestija, 19.07.1984, No.201, s. 6.

МЕДЫНЦЕВА, А. Я не Павлик Морозов, Komsomol'skaja pravda, No. 41, April 19, 2016, s. 1

МЕЛИХОВ, А. Засуха в головах, 25.8.2010, dostupné на <http://izvestia.ru/news/365133>

МОЗГОВАЯ, О. Сам себе Мичурин, Moskovskaja pravda, No. 44, 06.03. 2015, s. 3

Морозов, Комсомольская правда, No 275, 29.11.1932

МУСИЕНКО, Н. В гостях у Мичурина, Pravda, No. 76, 15. 07. 2016, s. 8

НИКОЛАЕВ, Я., ВОРОНИНА , Ю. Догнать и перегнать 4G, Rossijskaja gazeta, No. 192, 29.8. 2016, s. 10

НИКОНОРОВ Н. В нашей деревне огни не погашены, Rossijskaja gazeta, 18.01.1997, No.012

НОВИКОВ, А. Ожог. Снова пляска на костях?, Literaturnaja Gazeta, 28.3.2001, No.013

ОБЕРЕМКО, В. Дочь революции, Argumenty i fakty, No. 14, April 04, 2012, s. 15

ОРЕШКИН, Д. Железнодорожная фантазия, 4.12.2012, dostupné na:
<http://www.novayagazeta.ru/politics/55743.html>

ПАНДОРИН, Т. Догнать и перегнать Америку!, *Nezavisimaja gazeta*, No. 218, 19.10.2012, s. 9

Переселение растений, *Правда*, No 313, 14. 11. 1933, с. 2

ПЕШКОВА, В. Карло Михайлович Фрейд, или С приветом от Мичурина, *Literaturnaja gazeta*, No. 40, 13.10.2010, s. 8

ПОДОЛЬСКИХ, Ф. Без крыльев – без щита, Защищают ли нас кадеты?, 4.9.2009, dostupné na:
<http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=58334>

Прощай, курорт Сочи!, *Sovetskaja Rossija*, 19.2.2013, dostupné na:
<http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=593035>

Революционер науки, *Комсомольская правда*, No 130, 08.06.1935, с. 3

РОГАНОВ, С. Толерантность по-российски, 7.11.2012, dostupné na:
<http://izvestia.ru/news/539157>

Сады обновления. Исполнилось 125 лет со дня рождения И. В. Мичурина, ТАСС, *Izvestija*, 28.10.1980, No.255, s. 3

СИДОРЧИК А. Писатель Шишкин как «русская красавица», 11.3.2013, dostupné na:
<http://www.aif.ru/society/article/60978/4>

СМИРНОВ, А. Павлик Морозов: всё не так, *Argumenty i fakty*, No. 26, June 29, 2016, s. 47

СНЕГИРЕВ, Ю. Коллонтай и не снилось, *Rossijskaja gazeta*, No. 121, June 06, 2013, s. 10

СОВЕТОЛОГОВ, Т. Сильные духом, *Nezavisimaja Gazeta*, 30. 09. 1998, No.181

СОКОЛОВ-МИТРИЧ, Д. Циолковский оказался Мичуриным, *Izvestija*, 18.9.2002, No. 168

СОПЕЛЬНЯК, Б. Дело о гибели Павлика Морозова и реабилитации его убийц, *Novyje Izvestija*, 28.10.2000, No.200, s. 5

СЫРОЕЖКИН, С. Павлик Морозов 2.0, *Argumenty nedeli*, No. 32, August 18, 2016, s. 20

ТАЛАНИН, В. В конце номера. прощай, Павлик Морозов, *Krasnaia Zvezda*, 09.07.1992, No.152

ТИТОВА, О., ГОНЧАРОВА, Ю. На дубе зреет виноград – вот Мичурин был бы рад!, *Komsomol'skaja pravda*, 25.4.2002, No.075

ТРОПКИНА, О. Анатолий Лысенко: «Возьму к себе даже Навального!», 18.7.2012, dostupné na <http://izvestia.ru/news/530699>

ТРТЬЯКОВ, В. Больные манищефалией, 10.12.2009, dostupné na
<http://izvestia.ru/news/356355>

ТУМАНОВ, А. Психиатрия недели. Мичурина лечить не будут!, *Komsomol'skaja pravda*, 14.03.1003, No. 46, s. 3

ФЕДОТКИНА, Т. Терешкова спела с Кобзоном в честь Добронравова, *Moskovskij Komsomolec*, No. 261, 25.11.2013, s. 9

ХОРЕВ, А. Подумаем вместе. Чьи мы наследники?, Krasnaia Zvezda, 31.07.1992, No.171

Часовня имени Павлика Морозова, Večerňaja Moskva, 09.03.2002, No. 162

ЧЕМЕРСКИЙ, Э.Ф. Кто такая Валентина Терешкова?, Pravda, No. 40, 15.4.2016, s. 5

ЧУХРАЙ, Г. Песня родной земли. К 90-летию со дня рождения Александра Довженко, Izvestija, 10. 09. 1984, No.254, s. 3

ЯСАКОВА Е. Все на фронт: как врачи борются с коронавирусом в «красной зоне», 21.6.2020, dostupné na <https://iz.ru/1025751/ekaterina-iasakova/vse-na-front-kak-vrachi-boriutsia-s-koronavirusom-v-krasnoi-zone>

Sovietsky hrdina ako precedentný fenomén
(lingvokulturologický aspekt skúmania mediálneho diskurzu)

Belianum. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici

Autor: Mgr. Katarína Biačková, PhD.

Vydavateľ: Belianum. Vydavateľstvo Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici

Miesto vydania: Banská Bystrica

Recenzenti:

doc. Mgr. Nina Cingerová, PhD.

doc. Mgr. Irina Dulebová, PhD.

Obálka: Mgr. Katarína Biačková, PhD.

Jazyková korektúra: Mgr. Ivan Posokhin, PhD.

ISBN 978-80-557-1910-8

EAN 9788055719108

<https://doi.org/10.24040/2021.9788055719108>